

Вагиф
Самедоглу

ИГРА В СНЕЖКИ ЛЕТОМ

Вагиф
Самедоглу

ИГРА В СНЕЖКИ ЛЕТОМ

1-697205

Составитель и редактор:

Бабаева - Векилова Н.Р.
кандидат философских наук

Вагиф Самедоглу. **“Игра в снежки летом”**
“Юрд”, Баку, 2006, 200 стр.

© В.Самедоглу - 2006

© “Юрд” ИПО - 2006

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Вагиф Самедоглу, если бы я не знал его лично - есть удивительный поэтический образ, который иногда кажется придуманным и исполненным кинематографическим воображением.

Но он живой, абсолютно реальный, неторопливый в своей неизменно ироничной манере беседы. Глядя на Вагифа Самедоглу, постигаешь всю глубину божественной воли, указавшей на этого человека и воплотившей в нем огромный мир, вобравший в себя небеса и воды.

Сказать о нем, что он гениальный поэт и гениальный человек - ничего не сказать. С 60-х годов XX века в европейской поэзии не появилась фигура, равная ему по мощной энергетике слов и личностной харизмы.

Именно он был литературным гуру для нескольких поколений азербайджанских молодых поэтов-модернистов 1970-80 гг. из рук в руки передававших его первую книгу “Телеграмма с дороги”, вышедшую ограниченным тиражом, и редкие подборки стихов в литературном журнале “Улдуз”, который возглавлял его старший брат и блестящий писатель Юсиф Самедоглу.

Можно быть благодарным богу за то, что вопреки всем несчастьям, сброшенным

неподъемным грузом на Азербайджан с голубых небес, сыновья Самеда Вургуна вышли из глубин азербайджанского метафизического созерцания, поднявшись до европейского уровня. Вагиф умел не публиковаться десятилетиями. Это был его протест, своеобразный брезгливый жест, отдаляющий от сцен литературных марионеток советской эпохи. И его молчание перевешивало десятки тысяч томов, написанных безликими тенями, обвешанными государственными орденами и грамотами.

Если б Вагиф Самедоглу не был азербайджанцем - он, несомненно, стал бы Нобелевским лауреатом. Если б он не был поэтом - то, без сомнения, стал бы птицей.

В этом парадоксе - судьба азербайджанского народа и его история.

Валех РЗАЕВ

В этом саду.
Пахнущем после дождя
Землей и травой,
Между этих двух сосен
Мог бы сидеть
Сегодня
Отец мой.
Ему должно было быть
Семьдесят пять лет,
Должен был быть стариком
Сегодня
Отец мой.
И сквозь узор игольчатых веток
Солнце позднее
Ласковым светом
Должно было падать
Сегодня
На лицо отца моего.
Однако
Есть много всего:
Есть влажная после дождя земля.

Есть трава молодая
И солнечный свет - сквозь сосны
Дразняще-щекотный,
Только не падает он
Сегодня
На лицо отца моего...

Это письмо
Я раз тридцать читал-перечитывал,
В то время,
когда ты писал его.
Ты был жив и здоров.
Нет, пожалуй, уже не здоров...
Но - жив.
А теперь
Внизу,
в черноте земли
Легким остовом костяным
Белеет рука,
написавшая это письмо.
И теперь я не знаю,
Никак не могу разобрать,
Как
написано это письмо:
Плоть руки ли водила
Тем остовом костяным,
Или остов уже направлял
Теплую плоть твоих пальцев!
Как
прочешь мне это письмо
Живыми глазами.
Если их не омыть
Черным светом могилы твоей!..

К самой близкой сердцу горе
Ведут тропки издалека.
Из чужедальных краев.
Так они переплелись,
Что попробуй разобрать:
Где - чужая,
где - своя...
Высятся деревья
вдоль дорог -
От которого из них
Тень
тебе всего родней!
Люди разнятся
по цвету глаз,
Слезы ж - цвета одного
У всех у нас...

Однажды утром
медленно
поднимется
Бархатный занавес
Цвета свернувшейся крови ягненка,
И возникнут на сцене
солнце,
дерево
и река.
Этим утром
Ни зло, ни добро
Не произнесут монолог свой,
Потому что на сцене голой
Будет только солнце.
Только дерево.
Только река...

Вести машину
со средним скоростью,
со средней смелостью,
со всей умелостью...
А ближе к смерти
убавить скорость
и тихо-тихо
нажать на тормоз...
Нет,
я остановлюсь,
как если бы за поворотом
внезапно встали на пути
огромные закрытые ворота.
Очнусь
от режущего визга тормозов,
а после...
Нет, брат,
тогда уж будет поздно.
слишком поздно...

1963 г.

Сэмэни¹ ...
Человек принес
к себе в дом
горсть весенней земли.
Зажигает свечу...
На вечерней праздничной скатерти -
утро величиной с ладонь...
Припогасла печаль...

1963 г.

¹ Сэмэни - проросшая пшеница в блюдец, украшение праздника Новруз.

В Риме -
грандиозные соборы.
В Баку -
на увитом плющом балконе -
девушка с большими глазами...
В Нью-Йорке -
небоскребы тщатся дотянуться до Бога.
В Баку -
комнатушка в 14 кв.м.,
полная сигаретного дыма...

1963 г.

Одинокий, голодный, злой,
мечется по лесу волк.

Лес есть - что еще?
Есть где засесть - что еще?
Есть волчица - любиться -
Что еще?

Одинокий, голодный, злой,
Мечется по лесу волк.

Чтоб укрыться - есть чащоба,
есть клыки - вонзаться чтобы,
будет пища для утробы -
что еще?
И волчица - волочиться,
лучше нет в лесу зазнобы! -
что еще?

Одинокий, голодный, злой.
мечется по лесу волк...

1963 г.

Чего ты лаешь?
На кого?
Мимо проходят, смеясь,
люди.
А ты лаешь
на этот мир
отовсюду.
Может быть, вспоминаешь
деда, которого загрызли волки?
Спротивляться волкам -
Без толку...
Отчего же ты лаешь,
так яростно и напрасно?
Или видишь кого
глазами,
как закатное солнце, красными?
Не лай!
Этот мир велик, -
кто поймет твой язык?
И не лжив твой лай,
чтобы запросто перелетать
из уст в уста,
из края и край!

Как тебе объяснить...
Лаять здесь не годится,
В этом городе есть на что лаять
но не за что ухватиться.
Поживи-ка молча, дружок,
Без лая, -
поглядим, к чему
нас с тобой приведет
жизнь такая.
А совсем припечет -
что ж, и я с тобою спою:
ты пролаешь по душе свою,
а я - по свою...

1963 г.

Три голоса я услышал сегодня:

Толстый,

Средний,

Тонкий.

Толстый спросил.

- Как живешь?

Средний спросил:

- Как живешь?

Тонкий спросил:

- Как живешь?

Я отвечал:

- Ничего!

- Ничего!

- Ничего...

1963 г.

И вновь сегодня
последняя ночь.

И завтра
последнее утро.

И ветер последний
последний парус
надувает
последний раз.

И дерево
будто последнее в жизни,
и дождь...

Последняя метет
зимою
метель.

На последней улице Баку
последние слышны
шаги,
а за углом исчезают
последние
люди.

1-697205

В ту ночь
последний
рождается человек
и умирает
последний больной.

И последний плачущий
последний раз
улыбнется
последней
улыбкой.

1963 г.

Это облако
похоже на светлое лицо
моей покойной бабушки,
а эта тучка -
на смуглое лицо водовоза
с соседней улицы.
Люди проплывают
облаками-тучами
по небосводу.
Близкими, чужими
густо населяется
и небес природа...

1964 г.

Молния сверкнула.
Как резкий росчерк пера диктатора,
как проблеск краткой надежды...

Потом хлынул дождь,
низвергая на землю
небес лишний груз...

Потом - духота...
Грусть...

1964 г.

Дни проходят:
руки - в карманах,
с поднятым воротником.
Их провожают взглядом
старые, покосившиеся,
и новые, как свежие гробы,
дома.

Куда направляются дни?
Дни уходят на улицу,
чья тротуары
скоро заставят
своими лавками антиквары.
Здесь будет продаваться надежда,
тоска по родине...
На станциях метро
будут развешаны
дурные репродукции
наших снов...
Дни проплывают
по жизни - реке без мостов.

Птицы поют...
О чем?
Вот идет еще один:
руки - в карманах,
с поднятым воротником

1964 г.

Живи,
усопший братец,
очнись и
узри,
как вновь на просторах
разбросаны кости,
сады не даруют цветов
идушему
в гости,
не падают листья с деревьев,
лишенных ветвей,
и небо над нами омыто
несчастьем голодных,
забытых
степей.
Дорога горька,
как погасший очаг,
протянута капля
зарешеченной сини,
в руках у отчизны ветхий посох
и черное знамя
убиенной богини.

В пыли замирают следы
стариковских колен,
и птицы согнулись
в последней молитве;
ты болен,
устал,
твой ребенок ослеп,
подбирая волчицу,
пронзенную
в битве...

1964 г.

Я был громадным
голубым мамонтом
в ледниковый период Земли.
В то время не было
ни Кероглу,
ни Мери Пикфорд;
ни Лемберанского
и ни Генри Форда.
В то время
не было даже
ни правой стороны,
ни левой,
и светофора не было
тоже...
Только лед.
Море...
И вновь льды...
Было холодно.
А я был громадным
голубым мамонтом.
Хотя...
сейчас преподаю игру
на фортепьяно.

1964 г.

Вижу:
как завяли
отретушированные улыбки
наших младенцев
и опали
почерневшие листья
пожарищ.
От дыма
тлеющих кочевий
слезятся подслеповатые глаза
истории,
и на пустынной дороге пророков
спотыкаюсь о судьбы ушедших,
грезящих обманом врачующих,
и -
вздрагиваю,
словно рыба на морском
камне, -
в редких
брошенных снах -
и - от -
аптечных запахов
жизни...

1965 г.

Есть улочка в нашем городе:
тихая, крохотная -
семьдесят шагов - вперед,
назад - десять семикратно.
Одну сигарету - туда,
еще одну -
обратно...

1965 г.

Телефонные номера
не схожи меж собой:
но в каждом -
человеческий голос.

Человеческие голоса
не схожи меж собой;
одни излучают радость,
другие - печаль.

Печали людские
не схожи меж собой:
одни - заводят в тупик,
другие - выводят к надежде.

Надежды человека
не схожи меж собой:
одни - от Бога,
другие - плоды рук.

Человеческие руки
не схожи меж собой:
одни возделывают землю,
другие - судьбу.

Судьбы наши
не схожи меж собой:
кто-то живет,
а кто-то терпит.

Людское терпение
не схоже меж собой:
у одних - можно растянуть,
у других - оно рвется.

Разорванные души
не схожи меж собой:
одни - трескаются посередине,
другие - рассыпаются на осколки.

Осколки
не схожи меж собой:
одни - величиною в столетье,
другие - в один день.

Дни
не схожи меж собой:
одни - безоблачны,
другие - темны.

Темные дни
не схожи меж собой:
однажды можешь умолкнуть - ты,
другой раз - твой телефон...

1965 г.

Словно огромный бронзовый крест,
На уровне моей груди
Облака, разделившие нас.
Гудит самолет,
Расстоянье растет...
И без тебя
Гаснут внезапно все свечи в соборе
Черного моря...

1965 г.

Лицо луны
покрыто пятнами,
словно рентгеном
просвеченные легкие
больного
раком.

Внутри чернеют
зернышки
алого
мака.

Помню:
прозрачность
проглоченного
пространства.
И
ни одной тучи
меж мной
да лунным
царством.

1966 г.

Жизнь как гнездо
в прохладных ладонях "гилавара",
где я приютился,
окруженный лазурью
волн,
мудрый, как гороскоп,
и беззащитный,
словно волчонок.
И знаю,
будто помнится мне,
что после меня останутся моря
и лишь одно море сохранит берега,
если выпадут
из недостроенного
гнезда.

1966 г.

С головы до ног
пронизан
надеждой.
И холодные струи
не уносят меня
на дно.
Все следы на земле
застывают письменами
судьбы
и, подобно далекому морю,
ускользают от глаз.
Знаю,
что нет уж дорог,
не исхоженных взором
страдания,
как не находятся тени
заблудших
молитв.
К чему искать исход
жизни
и смерти?
Ведь живу,
как солнце и луна,
пронизанный с головы до ног
надеждой.

1966 г.

Где же
эти горы
и равнины?
Куда потекла река
и где спряталось
море?..
Почему нет следов
ни гор, ни равнин,
ни реки, ни моря?..
...Я не вижу,
не вижу из-за тумана.
И туманы исчезли
сами...
Так что это стоит
перед моими
глазами?..

Будешь ли плакать украдкой,
любимая,
когда я умру?
И в чьей лачуге,
превратившись в слезу,
потеку я по твоим щекам?
Плачь, милая,
плачь, бессильная,
даже если
в доме будут гости -
отведи душу во дворе -
подожди свершения пира
и ночью,
в вязкой тишине,
завернись в мое одеяло
и уткнись в мою подушку...
Не слушай мирских пересудов,
и сплетен, и слухов,
только скажи всем,
что должен был он умереть -
да напрасно
умер.

Когда я покину мир,
и весть эта дойдет до тебя,
и заиграет радость
в глазах сатанинских -
поплачь, милая,
не стесняясь,
и поверь в исход случайной жизни,
поклонись моей смерти
и немножечко
поплачь...

1980 г.

Может,
вместе увидим мы сон?..
Может,
вместе, закрыв глаза, пойдем,
что никогда не уснем мы
вдвоем в этом мире?..
Может,
мне громко зарыдать,
а тебе - засмеяться?
Чтоб зазвучали - вместе -
Голоса наших судеб?..

1982 г.

Пройдите
и дайте дорогу -
по грязному стеклу моего окна
стекает дождевая капля,
смывая пыль немых ночей,-
ни к человеку - ни к Богу -
и ни к миру она
не стремится -
а стекает -
стекает капля -
куда-то -
вниз...

1982 г.

Проходил я
мимо грешницы.
И не остановился.
Пел я
греховную песню.
И не замолк...
Шел я
по грешной земле.
И не остановился.

1982 г.

Сиротливый этот парк,
что охвачен дождем,
слишком похож на детство,
в котором когда-то я жил.

Дрожит влажная скамейка,
съежилась от холода тропинка,
а дождь все идет и идет, зазывая ночь...

Когда я умру,
прошу вас,
оденьте меня
потеплее...

В ушах - гул ветра.
В глазах - оцетинившаяся пыль.
Справа - ослепший колодец,
слева - ржавый скрежет древних ворот...
Позади - дачный домик.
Впереди - угрюмая стена...
Левой рукой я - в кармане,
правой - цепляюсь за стенку...
...Здесь я, Боже, здесь...

В тот день,
когда я погасну,
взвоят ветер на нашей улице
и зашевелится детскими ползунками,
что сохнут на старой веревке.
...И затрепещут они,
как траурные знамена,
в тот день,
когда я
погасну...

1982 г.

Во сне я встретился с судьбой.
Она не была стерта.
Во сне я увидел путь.
Он не плутал.
Во сне я наткнулся на стих.
Он не был написан...

Я совсем забыл.
То ли был вечер, то ли утро.
То ли ветер дул, то ли трепетали
паруса?

И какой был месяц, и кто тогда умер?
Забыл, все забыл. Все.
Только помню тропинку,
что ведет к заветной двери,
и женский голос
за дверью
помню...
Тот голос явился - вечером
и был - утром,
тот голос явился - морем,
был - парусом.
Тот голос явился - месяцем...
...Был день того самого месяца,
когда я умер...

И темень
в пустом рукаве
урода.
Ночь -
место свиданий
людского
рода.
Родник
выбивается
из подземелья,
как голос
пророческий
из круга ночного
веселья.
Материнское чрево
исторгает
крохотное
тельце.
Луна
кормит
звездной грудью
мессию-
младенца.
Кочует племя
от ночи
к ночи,
от брачной ночи
к холодной ночи,
по ровной дороге
к запретному кольцу,
от крика - жизни
к вздоху - концу.

По ночам
небеса усыпают звезды,
и каждая
как сто светил,
И кто расскажет нам о том,
почему не ввергнуты люди
на дно лучей,
оттаивая
от безумья?

Наверное,
очень они далеки
от нас.
Очень... Как
чужое
горе.

Ты не сможешь взречь,
ибо ты -
агнец
для закланий,
и не отворачивайся
от голоса своего,
ибо он - спасение
твое.
И не броди
на том свете
по медвежьим тропам,
и не радуйся
человеческому
следу.
И не греди
в прохладной тиши
грушевого дерева,
ибо опасно
мечтать
слабым и
сырым
под сенью судьбы.
И не смотри на меня так,
не смотри!..
Ибо удел мой
давно
не принадлежит мне -
вышел я
однажды
на медвежью тропу
и обрадовался
человеческому следу...

Когда на глазах зябнут от снега
зеленые равнины,
когда закладывает уши
от тысяч вопиющих в пустыне,
которые, лишившись последней надежды,
взывают к далеким небесам,
льется песня французская
из глаз немого,
словно селевой поток,
и что ты скажешь тогда
об этой жизни,
умирая,
живым?

Если бы родила меня мать
на Маркизских островах,
нарекла бы, наверное, меня -
Хемао.
В мою честь написал бы отец
высокий стих
на языке самоа.
И спустя много лет
возжелал бы Хемао родиться
в Баиловском роддоме
града Баку.
Овладела бы им мечта,
чтоб нарекли его
Вагифом.
И тогда стало бы на Маркизских
островах
ему скучно,
бедняжке...

Стыжусь:
одиначества и многолюдья,
дешевизны и дороговизны,
деревянного игрушечного медвежонка
и кровати,
приютившей одного меня,
стесняюсь.

Стыжусь:
звонкоголосья первых птиц
и тени ветхой хижины,
каменных надгробий мертвецов -
и безграничного терпения уцелевших
стесняюсь.

Стыжусь:
цельности и раздвоения,
сытых и нищих -
и скорой смерти
почему-то
стесняюсь.

С искалеченной душой
нельзя пускаться в дальние края -
с ней только можно
в жаркий день сидеть
у порога дома,
а в дождь,
глядя в окно,-
пересчитать все кирпичики больницы,
что напротив.
Или,
возлежа на диване,
можно вспомнить какое-нибудь
дерево,
которое ты любил
в детстве...

С искалеченной душой
больше нельзя писать о жизни
и человеке -
только о холодных фотографиях,
висящих на стене.
И нарушить молчание вечности почти
невозможно -
только в бессонную ночь.
когда на небе беснуются молнии,
можно крепко-крепко обнять
себя,
закрыв глаза.

Говорят,
что в далеких краях
встречаются странные
сны: будто
не увядает весна
в жарком мареве
лета.
Говорят,
если вор не рожден человеком,
к чему коню тавро?
Если позовут меня сны -
где их искать?..

Ибо говорят,
что взошла луна за
закатом
у подножия мира;
и говорят еще,
что в моих снах,
как в наших притчах,
жизнь качается робко
в теплой колыбели
смерти.

И снились в розовых снах
цыганам - чужие
табуны,
и обладали они просторами,
пахнувшими ковылью,
и глазами,
способными узреть издали
чужака;
неведомо было им:
что такое разлука?
Ибо в разлуке были они зачаты
и рождены,
ибо в разлуке они
умирали.

И не было родины
в языке цыганском,
ибо появлялись они на свет
в глубинах пространства
и засыпали вечным сном
у подножий закатов,
И не выходили цыгане на веранды,
ибо парило над ними небо,
полное маленьких
серебристых
звезд.

Слишком мало осталось,
мало,
погаснут сейчас
окна и
стены,
и лучи разбегутся
от желтой
айвы.

Промчится молнией
белая волчица,
и угаснут
в безбожный день
даже женские груди,
распираемые тяжестью
млека.

В сердцах замерцают
угольки -
слова;
лунатиком в окно
сорвется жизнь,
когда над головой
разлетятся от ветра
пылающие
журавли,
свеча
твоей судьбы
начнет удаляться
куда-то в темень, -
последний вздох
приподнимет тебя
над
землею.

Врываюсь страницами
в гущу прожитого.
Тихо желтею
подобно
цветам.
Осыпаюсь,
как одинокая
усохшая
бабочка.
Часы преследуют:
тик-так, тик-так...
Темный патефон
пылится в подвале,
Услышанные голоса
разносятся ветром.
Долгая осень
утихает "кукушкой"
в мозгу.
Это в знакомом лесу
кто-то кукует:
"ку-ку, ку-ку"...

Ты слышишь?..
Как же ты можешь услышать,
если наши уши заложило
разлукой двух лет
и семи месяцев?..
...А дождь,
как назло,
моросит...

В такую погоду,
поверь,
даже вольные волки хотят стать людьми
и укрыться в теплой
постели.

Ты видишь?
Ну как ты увидишь,
если как капли мелькают вагоны,
разделившие нас?..
...А дождь,
как назло,
моросит...

В такую погоду
от страха вопят наскальные
быки Гобустана

и бездомные собаки скулят,
превращаясь в людей.

Ты слышишь?
Ну как же ты услышишь,
когда наши уши заложило
разлукой
двух лет
и семи месяцев?..
...А дождь,
черт бы его побрал,
как назло,
моросит...

...Я потерял ключи от тебя,
а ты крепка,
и даже пинком
тебя не
распахнуть.

Бродят по улицам
растерянные люди.
Цвет моего рояля
подобен этой ночи,
а смятая постель,
полная тревоги,
не может отринуть себя
от себя,
спрятавшись за тобой.

Откройся!..
И поверь,-
если прислушаешься к голосу моему,
одену твой замок в серебро
и в золото - твой ключ
и покрою тебя узорами,
чтоб ласкали тебя
только феи...
...Деревянная, железная,
ты слышишь?

Откройся!..
И внемли
голосу моему,
или не раскроются
за спиной моей двери,
без которых мне
лучше
не
жить...

Если скончаюсь безвременно,
скажите, что - долго жил.

Скажите, что скоропостижно скончался,
если умру стариком.

И если слягу от хвори,
скажите, что внезапно скончался.

Не забудьте сказать,
что скончался после продолжительной
болезни,
если внезапно умру...

Который час, кукушка,
на ветви твоей
обители?
Ибо не может время
оставить в этом
саду
свои
следы.

И скоро ли усталость
усмирит кровь,
ибо слышится вдали
трепетанье души,
голубкой покидающее
тенета
тела?..

Слышала ли?
Видела ли - как эхом
раздается
вздых?

И замирает ли в небе
дыхание птиц,
улетающих на
родину?

Кукушка...
Сегодня кто-то отнял
мой разум,
ибо не могу
отвести глаза от ветви,
на которой ты
сидишь.

1985 г.

И опустилась кукушка на царскую ивушку
и запела.
Закогтила волосы ночи -
и запела.
Застыла в дыханье моем -
и запела...

Ночные лики здесь
окроплены пением птичьим
и черные сады родные
омыты пением птичьим...

Царская ивушка чернее ночи,
голос кукушки - рана бескровная.
О Господи, где же мир,
Тобю же созданный?

Проскрипела телега,
объятая зноем.
Справа - море,
слева - сердце.
Еще одно колесо проехало по жизни.

На сумрачной плоскости стены
угасло окно.
Справа - другая стена,
слева - сердце.
Еще одно окно в моей судьбе погасло.

Хотел ухватиться за веревку -
сорвалась и упала во двор.
Справа земля,
слева - сердце.
Еще одна нить оборвалась в этой жизни.

На безымянном пальце
показалось кольцо.
Справа - другое кольцо,
слева - сердце.
Еще одна надежда связалась петлею.

Все пути разорвал и обрел самость.
Написанный стих брошен в стол.
Справа - иллюзии,
слева - мое сердце.
Еще одно слово задушено в колыбели...

Хороши дожди,
если б не убогие туфли нищих.
И полуденный приятен жар,
если б не трупный залах неудачника.
И даже прекрасны глубокие реки,
если б не пограничные столбы
и подводные пристанища
для самоубийц.
Мир,
что ни говори,
хорош,
если б не было
убиенных наших
детей
и стандартных
домов...

Когда я пишу стихи -
не смотри мне в глаза
и на
руки,
заклинаю тебя именем Господа!

Лучше беги из дома
куда-нибудь,
сбеги - не
бойся чужих
колючек
и не храни в душе
печали.

Только,
милая... не смотри
в мои глаза,
когда в последний раз
я пишу
стихи...

В каком парке
и в каком году
ты выкоптышь меня
из омута скользкой тишины,
где нет тебя?
Что держать мне в руке
и как одеться,
если я приду
в этот парк?
И как узнать тебя, как?
Может,
ты тихо расскажешь?
Ибо страшно устали глаза мои
и обессилели -
всего за одну жизнь.
И
если зимней ночью
ты, вернешься туда,
где только дожди смывают старые листья, -
возьми в руки
кисточку нашего винограда "шаны",
а летом,
в безлюдную жару,
подожди меня на том месте,
куда робко ложатся
белые
пушистые
снежинки.

Если б мог -
осушил бы все моря
вселенной,
чтоб не видеть,
как Каспий смыл
твои следы.
Может,
миру кажется,
что маленькие пятнышки на
нашем песке -
слишком большая роскошь
для безумца?
Может,
ведьмы и черти восстали
из подземелий
и закрыли уши твои
для моих
слов?
Но слышал,
что собираешься ты
в дальнюю дорогу,-
так напиши, не бойся,
и пришлю я тебе
свои глаза,
если захочешь когда-нибудь
заплакать...

Чуть-чуть,
на робкий шаг,
отринуть бы
себя от себя.

Хотя бы на пядь
отойти от холодной тоски дочерей,
слепого колодца в нашем саду,
от поминок бесконечной жизни,
где нет мертвецов...

На шаг,
всего лишь на шаг
хочу разлучиться
с этой проклятой
разлукой.

Я - не тот человек,
которого знают,
затерявшись в словах
ненаписанных
стихов.

Я родил - себя,
как родила меня мать,
и я - умер
при родах...

Мои - глаза,
что следят за мною,
и следы,
ведущие в последнюю
обитель.

И гонит меня
жаркое дыхание
моей тени,
как вой в пустыне
последних
одиноких
дней...

Когда падает крыша
Сожженного нами крова,
Когда человек камнем
Бросает метко в другого
И падает тот бездыханно
На землю в свой смертный час, -
Тогда не мы в Бога,
А Бог не верует в нас.

Когда солнце, нежно
Улыбаясь, смотрит с небес.
А человек пашет поле
Или сажает лес
И слеза прозрачная катится
Из его благодарных глаз, -
Тогда не мы в Бога,
А Бог верует в нас...

Я вижу сон -
Ущелье и гюрза.
Ко мне обращены
Ее глаза.

Среди камней
Увиденного сна
Меняет кожу
Медленно она.

От боли кровь
Сочится из-под век.
Она сейчас
Совсем как человек.

И вот - отдельно
Кожа и она
Среди камней
Увиденного сна.

Во сне у камня
Рваные края.
И плачет кровью
Бедная змея...

Я не верил, что море
Реально вполне.
Но однажды увидел
Корабль на волне.

И огонь мог бы выдумкой
Быть до сих пор -
Но однажды в горах
Я увидел костер.

И отбрасывал тень на траву,
И не раз -
Этот дуб, о котором
Я слышал рассказ.

И реальность зеленого цвета,
Увы,
Подтвердило не слово,
А зелень травы.

Я своими глазами
В то утро открыл
Опускавшихся уток
Мелькание крыл.

Слава Богу, открыл,
Что не только в былом -
Столько тварей живых
Еще машет крылом...

Не трогай камень
На излете склона,
А вдруг под ним
Жилище скорпиона.

И не сверли туман
Гневливым оком,
Что скрыл в ущелье
Путь твой ненароком.

Не но своей сюда
Пришедший воле,
Он не виновен
В сумраке и боли.

В далекий путь
Ты вышел добровольно,
Не ведая, что знать
Дороге больно

То, что идущих
По ее груди
Ждет только смерть
И гибель впереди.

А я еще молчу
Про кровь и слезы,
Что не смывают
Паводки и грозы.

О стариках,
Уткнувшихся лицом,
В асфальт, ковыль
И глины мерзлый ком.

О пьяных,
Успокоенных дорогой.
Не трогай этот мир,
Прошу, не трогай...

1985 г.

Между правой и левой
Рукою моей
Хлопья снега летят
С занесенных ветвей.

Но какая рука
В теплом доме лежит,
А какая из них
На морозе дрожит?

Между правой и левой
Моею рукой
Тихо воды плывут
Величавой рекой.

Но какую рукою
Я плыть не могу,
А какая ей машет
На том берегу?

Между правой и левой
Моею рукою -

И туман, и гора,
Тишина и покой.

Но какая рука
На чужбине живет,
А какая рука -
Среди отчих широт?

Между правой и левой
Рукою моей
Плотно сомкнуты створы
Тяжелых дверей.

Но какая из рук
Постучится теперь,
А какая откроет
Тяжелую дверь?

Скоро я услышу
Тихий стук
И увижу взмах
Любимых рук.
Два часа до встречи
Впереди...
Милая, прошу,
Не приходи.

Ты свиданья
Перепутай час
Или заболей,
Как в прошлый раз.
Обмани.
Совсем меня забудь.
Заблудись,
Отыскивая путь.

В счастье я, любимая,
Нелеп.
Боль -
Мое спасение и хлеб.
Встречи миг -
К разлуке верный путь.
В ожиданье -
Истина и суть...

Звуки прибоя
Уже не стучатся в окно.
Пена белесая волн
Растворилась во мгле.
Как я жалею,
Что вас мне родить
Не дано.
Я ведь не море, не ветер
На этой земле...

Если вдруг написать
Тебе хочется мне -
Напиши мне туда,
Где не мучает страх,
Я сегодня живу
В удивительном сне,
Где так пахнет травой
После града в горах,
Где так чист, и прозрачен,
И свеж небосклон...
Напиши мне письмо
В этот утренний сон...

Падают на страницы
Тени усталых рук.
Сердце остановиться
Может случайно вдруг.

Месяц стоит на страже,
Солнечный свет погас,
Это для смерти даже,
Может быть, лучший час.

Господи! - грязь и слякоть!
Полжизни спали в огне,
Полжизни оставь, чтоб плакать
Над отнятой жизнью мне...

Нельзя смотреть
На камни и ограду,
Граната кровь
И куклу без руки.
Стоять и ждать
Бессмысленно не надо
Усталому рассудку
Вопреки.

Стоять и ждать
Тягучего заката,
Когда исчезнет свет
В ночной дали,
А с ним - ограда,
И пятно граната,
И эта кукла
Бедная в пыли.

Скорее прочь
От этой вот юдоли,
И скройся там,
Чтоб душу уберечь,
Где ветер нежит
Золотое поле
И птичий свист
Понятнее, чем речь...

Не стучи в ворота,
Проявля прить.
На замке ворота -
Их не отворить.

А случись - откроют
На исходе дня,
Не найдешь за ними
Под седлом коня.

Если все же станет
Конь перед тобой,
Не считай, что сразу
Справился с судьбой.

Ты и знать не знаешь,
Где он, главный путь.
Может быть, подскажет
Это кто-нибудь.

Может быть, увидишь
Вдалеке большак,
И к нему направит
Конь поспешно шаг.

Но дойти до цели
Все же не дано.
И спешить и ехать
Некуда давно...

Длинной дорогой
Или короткой идти -
Все равно - люблю
Собьешься с пути.

Тьма народов,
И языков тьма.
Сосчитать не хватит
Ни сил, ни ума.

А молчать все равно
Голосу и строке
В какой земле.
На каком языке...

Видно, разум больной
Утопил я в вине
И обидел Аллаха
Невольно в душе.
Все молитвы назад
Возвратились ко мне,
Словно письма мои
К тем, кто умер уже...

Зной тяжел и тягуч,
И песок раскален,
Дышит жаром с небес
Золотой небосклон.

И безжизненно лодка
Скользит по волне.
Словно все происходит
Не в яви, а сне.

И безжизненна паруса
Бедная плоть,
Словно ветер распял
Среди моря Господь...

Хазар ушел. Иссохшая скала,
Как прошлый век, поникла, спину горбя.
А долго ли без моря прожила,
Кто может знать? Кто знает возраст скорби?

Хазар ушел. Иссохшая скала -
Последний след мелеющего моря.
Не буря ль нам на память отдала
Волну, окаменевшую от горя?

Роняет годы-камешки скала,
Она все меньше, меньше год от года.
Она однажды станет так мала -
Швырнут и птиц прогонят с огорода...

На черном моем рояле
серая-серая пыль.
Вчера твое имя на ней написал,
с севера,
с юга
имя твое оглядел.
Имя твое
солнцем светилося,
в тени укрывалось,
но было со мной.

Между нами вчера
оставалось только само вчера.
Сегодня нет ничего.
Мнительная моя мама
стерла пыль с рояля...
Исчез север,
и юга нет.
Больше нет ни тебя,
ни меня,
ни ночи, ни дня.

Вот история
моего Вчера и моего Сегодня.
И только ветер
над вымершим Без Тебя
занавеску в окне
развевает как знамя...

Записывает во мне любовь,
записывает разлука,
записывает, записывает, записывает
жизнь.

Утреннее сиянье,
равнины, впитавшие расстоянья.
темные, как ночь,
светлые, как день, лица
записывают себя во мне,
и это навек сохранится.

То, что я так люблю,
и то, чего так не люблю,
записывает себя
в общей тетради - во мне,
в терпеливой моей тишине.

Друг,
когда я умру,
включи-ка память -
магнитофон,
возвращающий звуки.
Еще раз послушай
отзвучавшую мою душу
после разлуки...

СЕМЬ ПИСЕМ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

До свадьбы осталось семь дней

В год засухи,
Зимой,
Пришло письмо от тебя.
Ты писала: "Нет хлеба".
Ты писала
Об очередях возле булочных.
Очередях тревоги,
Надежд,
Недоумения,
Слухов.
Ты писала: "Нет хлеба" -
В начале письма.
А потом:
"Ты пойми!..."
Что - "пойми"?
Бог вам в помощь,
Живите в согласье.
Я и сам сплясал бы
На свадьбе твоей,
Когда б находился в Баку.
...Я письмо твое скомкал
И бросил на мостовую,

Не со зла -
Просто были карманы полны.
К тому же
Сама ты писала в P.S.:
"Порви!"
Что ж, порви так порви!..
И я бросил письмо твое в снег
В лицо снега,
Ставшего грязью..
Я устал в этот день.
И когда садился в такси,
Тень свою вдруг увидел.
Вновь она поникла бессильно
На мокром сером снегу.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Осталось шесть дней

Может,
Захочешь ты мне написать.
Вот он - мой адрес:
Москва, К-9,
До востребования,
Самому несчастному.
Тысячи рук
Сквозь узкое почтовое окошко
Потянутся к письму твоему.
...И меж них не так одинока
Будет моя рука.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

До свадьбы пять дней

В консерватории
Нет занятий сегодня.
Случайно в церковь забрел я.
Обошел ее всю,
Постоял,
Посмотрел на людей.
И старушка в черном платке
Вдруг ко мне подошла,
Мне в глаза посмотрела,
Посмотрела в глаза мне
И перекрестилась
Сухой дрожащей рукой.
Видишь теперь,
Что случилось со мной.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Осталось четыре дня

У меня два соседа -
Инвалиды -
Глухонемые...
И слух и речь их
Зависят
Только от ловкости рук.
Руками они говорят
И слышат руками.
Так и беседуют между собой
В грязной кухне

Коммунальной нашей квартиры.
И сейчас они дома -
В кухонном душном чаду...
Я из комнаты слышу
Их немой разговор.
Потому что
И они говорят о тебе.
О тебе,
О тебе...

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Кажется, осталось три дня

В эту ночь опять я не смог
Увидеть тебя во сне.
В эту ночь опять мне приснились
Умершие мои.
И они почему-то
Говорили со мной о тебе.
В эту ночь
Опять шар земной
Напомнил мне угол,
В который
Ставили в детстве меня.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Два дня осталось, два дня!

Слякоть в Москве.
Мокрые люди и стены.
Мокрые тени,

Улицы в мокрых опилках,
В опилках туфли прохожих
И небо,
Упавшее в лужи.

В кинотеатрах идет "Тишина",
В консерватории
Вечером - Рихтер.
Я брожу по Москве
И подарок ишу для тебя,
И читаю названия улиц.
Сколько же улиц в Москве?!
Коротких и длинных,
Широких и узких -
Мокрых,
Выскальзывающих из рук.

Все выпадает из рук!
Не могу удержать для тебя
Ни переулок-сиротку,
Ни чье-то лицо
С влажным блеском очков.

Переулок теряется в улицах,
Лицо растворяется в лицах -
Выпадают из рук.

В витринах сияют улыбки
Розовых манекенов,
Мокрые лица прохожих
Отражаются в стеклах -
Выпадают из рук.

Сжимается сердце от визга
Затормозившей машины -
Выпадает из рук.

Голуби жмутся к стене,
Воркуя утробно и глухо,
Точно из-под земли,-
Выпадают из рук.

Деревянные мокрые стены,
Деревянная мокрая дверь,
Мокрые буквы таблички:
"Плиссе, гофре. А. Македонский".
Выпадает из рук.

Я не смог найти для тебя
Даже кусочка стены.
Даже хоть бы одно
Лицо,
Из тех, что вокруг.
Как пришел я с пустыми руками,
Так с пустыми руками
И уйду я из этого мира...

На мокром сером снегу
Горбится, точно под ношей,
Спина моей тени.
Должно быть, так надо -
Поэту нужны страдания,
Как мельнице - ветер.
Я живу
В коммунальной квартире в Москве
У меня - инвалиды-соседи,

У меня - телевизор,
Два стула,
Кровать
И стенные часы.
Между мыслью о смерти
И ужасом перед нею
Стеной громоздится вопрос:
Что будет завтра?

Шарят по стенам лучами
Фары автомобилей.
В зимние месяцы здесь
Тянется ночь натужно.
Медленно ночь проходит.
Выпадает из рук!

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

Завтра...

.....
.....
.....

РОЯЛЬ

Поэма

Ночь.
Сон нейдет в глаза.
Ночь моя,
мгла щебуршится
по углам.
Бессонницы мучительный мугам
в сопровожденьи мушки.
Переживаю жизнь,
перешиваю жизнь
в ателье вечности,
с окнами во вселенную,
в Артели Человечества.
Падает на пол ключьями
некогда прочная парча
иллюзий.
Бродят по белому свету
бескрайнему
думы мои цыганами.
Слышу тысячи голосов,
тысячи непонятных слов
на языке солнца,
земли, ветра, дождя...

Живу среди чужих,
руки держа в карманах -
капканах терпенья.
Эх, был бы такой разговорник -
с ветром поветрывать,
с дождем подождать.
Волочусь мечтаньями,
ташусь чаяньями,
тычусь в пространство
тросточкой Чаплина.
Ежусь при мысли
о чайках уснувших,
застигнутых бурей.
А у порога распоротой ночи,
разжиженной тьмы
вздыбился Сфинксом - роаяль.

Черный роаяль мой, черный роаяль.
Грезы мои радужные и печаль...
...В комнате было холодно
и просторно.
Паркет на полу ходил чарльстоном.
- Доброе утро.
- Привет, привет.
- Что ж ты вчера не пришла!
- Дела...
- А завтра?
- Времени нет.
Сегодня тебя не ждала.
Вечно ты бываешь нужен
Завтра или вчера.
А день - это всегда сейчас...
Паркет выписывал чарльстон.

Падал на город снег
сиро-сиро.
Город окутал снег.
Сыро-сыро.
В Москву пришла зима...

Полгода дрянная погода.
Полгода хлюпанье слякоти.
Полгода тени церквей
на снежной мякоти.
Был опрокинут гигантский казан
с неба,
плыл над Москвой тягучий азан
снега.

Железистый запах метро
мне не забыть.
Как дым очажный в родных краях,
как скалы бурые у Бузовны,
я любил тебя.
Яна,
Яночка,
панночка моя!
Была бы тогда голова на плечах,
был бы тогда Бог,
поцеловал бы еще разок
в ладони твоей ямочку,
Яночка!

В Польше, говорят,
прекрасно рисуют плакаты...
Яна...

Как странно...
О чем это я говорю с тобой!

В черной машине черные негры
въезжают в Кремль.
Витторио Гассман
"Гамлета" исполнил в одиночку...
Что пришлет мне мама
на Новруз из Баку?
Тук-тук-тук...
Это мой друг
печатает на машинке
плоды моих творческих мук.
Звонит телефон.
Начался гантельный сезон
отяжелевших телефонных трубок,
Поменьше плачь, милая.
Листья,
требующие усилия,
метелки,
метели,
леса.
Здесь натурально белый снег.
Окрест
церква, часовни, скиты,
цеха, заводы, могилы, кресты.
Россия...
Лес седым седой.
Вдали шествует строй.
Похоже, что людей.
Поток знамен, триумф идей.
Кто там орет?
Кто там горло дерет?

Поэты вышептывают стихи
про себя...

...Я был гражданином державы
печали.
Был город,
поезд,
ты
и тысячи "я".
С тесного вагонного купе
разлука началась.
Теперь я - эмигрант
в Стране Разлуки.
И вот - опять Баку.
И я объят Баку.
И небо теплое -
как воспоминанье.
Сверкает город рыбой чешуей
после дождя.
Море блаженное -
как лицо разрешившейся
роженицы.

Как судно, набитое беженцами,
рояль мой, черный распуская парус,
отчаливает от причала
и от меня...

1964 г.

ИГРА В СНЕЖКИ ЛЕТОМ

(Немного забавная и немного грустная история)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

АДИЛЯ-ХАНУМ¹ – жена больного
 АДЛЛ – сын больного
 ИБРАГИМ – друг больного
 АНАХАНУМ – медсестра
 ТАДЖМАХАЛ – соседка
 ИМАНОВ – доктор
 АМИР – родственник больного
 МАРМАР – его жена
 НИФТАЛИ – родственник больного из района
 БАХАДУР – человек Амира
 МОЛЛА МАХМУД
 МАМЕДАГА – шофер
 САБЗАЛИ – контрабасист
 «СОЛОВЕЙ» – человек, имитирующий пение соловья

Просторная гостиная обставлена дорогой мебелью конца пятидесятих годов. Прямо посередине – изукрашенная резьбой дверь, ведущая в комнату больного. По бокам залы еще две двери пополю. Над входом в комнату больного прибито чучело головы марала; сбоку от него висит маленький колокольчик. На правой стене портрет в золоченой аляповатой раме, однако нам не видно, кого изобразил художник. Что-то мешает.

АДИЛЯ-ХАНУМ сидит в кресле, смотрит на дверь в комнату больного. Возле нее на столике кислородная подушка. Медикаменты.

Дверь открывается. Из комнаты больного выходит медсестра Анаханум.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ну, как? Сделала?

АНАХАНУМ. Сделала, Адиля-ханум. Помоему, удачно!

АДИЛЯ-ХАНУМ. У тебя золотые руки, детка. Вчера он, знаешь, что сказал? Как поправлюсь, говорит, найду достойного человека для Анаханум, выдам ее замуж. Сам и свадьбу справлю, а ты – это мне! – займешься приданным. С удовольствием, отвечаю ему! Ты же мне сейчас, как дочка!

АНАХАНУМ. Ну, что вы, Адиля-ханум!.. Вы и так столько сделали для меня, что век буду помнить. Только бы он выздоровел поскорей.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Спасибо, родная. А как по-твоему, это новое лекарство стоящее?

АНАХАНУМ. Первый раз его применяю, но, думаю, очень хорошее, оттуда ведь привез-

¹ Ханум (азерб.) – госпожа, здесь обращение.

ли. Доктор Иманов говорил, что даже в Москве не каждый может достать такое.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Брось ты, ради Бога, тоже мне авторитет – доктор Иманов! Терпим его, потому что другого нет. Должен же кто-то при доме быть. Как говорят русские: на безрыбье и рак – рыба. А по поводу лекарства, так это Амир позвонил в Москву академику Крачковскому, тот и рекомендовал. А слетел за ним Бахадур. Доктор Иманов... Да он и человеком-то стал на нашей беде. Да, да!.. На наши деньги зажил по-человечески, дачу купил в Кюрдыхане, машиной обзавелся... Да уж черт с ним! *(Слышен сигнал автомобиля. Смотрит на часы)*. Только про машину сказала – сразу Мамедага подъехал. Тоже странный парень. Никак не могу растолковать ему, чтобы приезжал чуть-чуть попозже, ну, как бывало раньше. Ты пойди, доченька, открой, а я моего предупрежу. О, Господи! Помогите и помилуйте. *(Уходит в комнату больного. Анаханум идет за кулисы и возвращается с Мамедагой)*.

МАМЕДАГА. Клянусь всеми святыми, Анаханум, не знаю, как и быть, как мне разорваться на две части! Плюнуть бы вверх – усы мешают, вниз – борода! Не сойти мне с этого места, Анаханум, просто зашиваюсь, клянусь...

АНАХАНУМ. А что, за тем нельзя подехать чуть позже?

МАМЕДАГА. Да ты что! Хозяин-то он сейчас!

Адила-ханум возвращается.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Слушай, парень, ты что, порядков наших не знаешь? По-человечески

предупреждали тебя – и я, и Амир, и Бахадур – все-все, а ты опять приехал раньше времени. Ты-то знаешь, что он раньше десяти никогда на службу не шел. Так зачем же чуть свет кукарекать внизу, ведь еще и девяти нет?

МАМЕДАГА. Да буду я твоей жертвой, тетя Адила, как же мне быть, негодня этакому? Тот хозяин приказывает – будь без малого десять внизу у парадного. Попробуй, опоздай! Лечу по улицам, как угорелый, чтобы и здесь побывать, и там поспеть. Прошу тебя, Анаханум, сделай мне смертельный укол, умереть хочу! Только в руку, в другое место не позволю!

АДИЛЯ-ХАНУМ. Не ори, ты же в доме!

АНАХАНУМ. Услышат еще!

МАМЕДАГА. За него готов душу отдать!

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ладно, ладно. Пойди к нему, узнай, что надо.

МАМЕДАГА. Иду. Но прошу тебя, тетя Адила, придумай что-нибудь. Очень тяжело мне. Клянусь, погорю я. Поверьте, на нервах держусь – умереть мне и не встать! – на чистых нервах. Тот хозяин живет в одном конце города. А этот – да буду я жертвой ему! – на другом. Так и мечусь из конца в конец, боюсь даже взглянуть на спидометр.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ладно, не тяни. Пройди лучше к нему, сколько тебе говорить?

МАМЕДАГА. Ушел уже! *(Останавливается перед дверью в комнату больного, смотрит на портрет.)* С ним кончилось все хорошее, доброе, что было, клянусь твоим здоровьем, Адила-ханум, двенадцатью святыми имамами клянусь, с тех пор, как ножом, отрезало! Да будет земля ему пухом, да продлятся дни мужа

твоего. Один он нам опорой остался!.. *(Проходит к больному.)*

АНАХАНУМ. Хороший парень, этот Мамедага, преданный вам.

АДИЛЯ-ХАНУМ. А как же иначе? Эх, доченька, да ведь ты не все знаешь... Этого преданного мой-то дважды из тюрьмы вызволял. Один раз за то, что на солдата наехал, а другой раз за то, что помог какому-то негодяю умыкнуть четырнадцатилетнюю девочку. Верных пятнадцать лет гнить бы ему черт его знает в каких сибирских даялях!..

АНАХАНУМ. Да кому только ваш муж ни помогал, кого в трудную минуту ни вызволял! Сколько я о его доброте от людей слышала!..

АДИЛЯ-ХАНУМ. А польза-то какая от этих разговоров? Ей Богу, другой раз плакать хочется. Родственников у него – не счесть. Всем помог, всех устроил. Все живут безбедно. А сам уже столько лет к постели прикован. Эх, доченька, да ты ведь знаешь. Что мы все для него делаем, можно сказать, тонны денег израсходовали, да пользы никакой!..

АНАХАНУМ. Что деньги, Адила-ханум, многие, если понадобится, жизнь за него отдадут.

Мамедага выходит из комнаты больного.

МАМЕДАГА *(Смеется)*. Дай ему Бог здоровья, ну и шутник, чуть живот не надорвал.

АДИЛЯ-ХАНУМ. О чем это ты?

МАМЕДАГА. Да как начал вспоминать о своей молодости. Интересная история. Когда учился в Ленинграде, рассказывает, однажды

подходит к нему узбек, «земляк», говорит, одолжи душлаг для плова! *(Смеется.)*

АНАХАНУМ. Что же дальше?

МАМЕДАГА. Ты что, дура? Откуда в Ленинграде в то время взяться душлагу для плова?

АДИЛЯ-ХАНУМ. И что же он ответил узбеку?

МАМЕДАГА. Забыл. Очень забавная история! Жаль, память дырявая. Вот так с самого детства: ни одного анекдота, ни одной смешной истории не могу повторить. Начал рассказу, а что было дальше, хоть убей, не могу вспомнить.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Лучше скажи, что он (кивает на дверь) тебе поручил? Или тоже забыл?

МАМЕДАГА. Ну, нет! Его поручений я никогда не забывал! Просил завтра на полчаса раньше приехать.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Зачем?

МАМЕДАГА. Эх, умереть мне ради тебя, Адила-ханум, разве я знаю! В былые времена, если велел приезжать раньше обычного, то мы ехали в охотничий магазин к Грише. Смотрел, что нового завезли. А ведь месяц с половиной всего бастает до охотничьего сезона... Вот были денечки... на слух сбивал куропатку!..

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ушли те дни, сынок, не вернутся.

МАМЕДАГА. Что надо купить, Адила-ханум? Дай список.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Вот. Купишь все это, потом заскочи на базу к Саламову, возьми все, что передаст... да, не забудь еще за бельем заехать.

МАМЕДАГА. Есть, все сделаю. А ты, Анаханум, поскорей замуж выходи, хочу на твоей свадьбе погулять.

АНАХАНУМ. Иди, иди, я о себе сама позабочусь.

Мамедага уходит.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Что ж, и не так далек он от истины. Семью надо заводить вовремя. Не поверю, чтоб никто не сватался к тебе, ведь, чтобы не сглазить, ты очень даже привлекательная. И что же, что была замужем. В наше время это мало кого волнует.

АНАХАНУМ. Были предложения, Адиляханум... не стану скрывать... Но... Словом, к черту их! Главное, я здесь нужна. По мне, поверьте, лучше сидеть возле него, служить ему. Такова, значит, моя судьба. Лишь бы он поскорее выздоровел, встал на ноги. Он мне, как родной отец. Учиться устроил, человеком сделал. Благодаря вам и в деньгах я сейчас не нуждаюсь.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Растрогала ты меня, доченька. *(Целует ее. Звонит колокольчик.)* Иди, это тебя.

Анаханум идет в комнату больного. Из боковой двери входит в гостиную Адил. Он в темных очках, с палкой в руке. Постукивая палкой, медленно пробирается среди мебели и садится на стул возле центральной двери.

АДИЛ. Мама, ты здесь?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Здесь, сынок, здесь! Как ты спал, сынок? Да перейдут на меня хвори твои!

АДИЛ. А где Анаханум?

АДИЛЯ-ХАНУМ. У папы. Он только что позвал ее. Ты завтракать будешь?

АДИЛ. Мама, а Анаханум красивая?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Вполне хороша, довольно симпатичная. Завтракать пойдешь?

АДИЛ. А как она сложена?

АДИЛЯ-ХАНУМ? Анаханум?

АДИЛ. Конечно, мама. Не о бабушке же Таджикистан идет речь.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Что с тобой сегодня? Анаханум да Анаханум!..

АДИЛ. Во сне видел ее. Вроде мы на нашей даче в Шувелянах. Идет она навстречу мне с двумя полными ведрами прозрачной воды. А платье на ней такое ярко-ярко-желтое. И что-то напевает...

АДИЛЯ-ХАНУМ. О, господи, убей меня ради него. Но, сынок, как ты можешь узнать во сне человека, которого ни разу не видел в жизни? Ведь Анаханум поступила к нам после того, как слег отец твой, после того, что случилось с тобой... О Боже, за что казнишь меня?

АДИЛ. По голосу узнал, мама. Я же сказал, что она напевала что-то. А платье ее до сих пор перед глазами стоит. Ты помнишь грушевое дерево возле маленького бассейна на даче? Помнишь?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Помню, конечно, помню.

АДИЛ. Знаешь, однажды я увидел это дерево на закате солнца. Спелые груши на нем висели густо-густо и были окрашены в необычный желтый цвет... Просвечивали насквозь, будто кто-то нарочно вставил в каждую грушу по маленькому светильнику. С тех пор я ни разу не видел ничего подобного. А сегодня ночью опять увидел. Во сне. *(Пауза.)* Не смотри на меня так, мама, я знаю, как ты на меня смотришь. Чему быть, того не миновать. И в

Москву мы никак не соберемся... к профессору Федорову...

АДИЛЯ-ХАНУМ. Не мучь меня, сынок. Не бреди раны. И без того я слишком сурово наказана. Как везти тебя в Москву? Вот уже который год отец прикован к постели. Дай срок, сделаем для тебя все, что нужно. Слава Богу, с нами считаются, да и знакомых влиятельных в Москве у нас немало.

АДИЛ. Но ведь столько лет я так...

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ничего, еще потерпи! Скоро, теперь уже скоро!

АДИЛ. Что-то долго не наступает это «скоро»!

АДИЛЯ-ХАНУМ. Наступит! И глаза тебе вылечат, и все другие дела твои устроятся. И машину купим тебе, да не нашей, а зарубежной марки. Плевать я хотела на те тридцать-сорок тысяч рублей. Вволю покатаешься по улицам города!

АДИЛ. Улицы города, улицы города... мама, я хочу спросить тебя, только прошу, скажи мне правду... сейчас снег вокруг?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Клянусь тобой, нет снега! Сейчас лето, июль месяц, поверь мне! Разгар лета! Ты нервничаешь, переживаешь, потому, наверное, и мерзнешь.

АДИЛ. Не знаю, может, ты и права. Только иногда мне кажется... Погоди, дверь открылась...

Возвращается Анаханум.

АНАХАНУМ. Доброе утро, Адил.

АДИЛ, О, Анаханум, рад видеть тебя! А эта прическа тебе не идет. Смени ее. Закрути волосы на затылке, как у Мармар-ханум...

АНАХАНУМ. Адил, не надо так шутить.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Верно, сынок, будь мужчиной. Мужественный человек не забавляется собственными недостатками. Будь терпеливым.

АДИЛ. О каком-то таком мужественном человеке идет речь, Адиля-ханум? О вашем сыне? Не надо, расплачусь. Скажи лучше, Анаханум, у тебя есть желтое платье, ярко-ярко-желтое?

АНАХАНУМ. Нет, и никогда не было. Желтый цвет не принят в нашей семье. Покойная мама рассказывала, что бабушка погибла из-за желтого цвета.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Как это?

АНАХАНУМ. Рассказывают, будто бабушка как-то накинула на голову желтый платок и пошла к реке за водой. Утро было хмурое, а в густом тумане, как известно, желтый цвет хорошо виден. К несчастью, неподалеку бродил голодный волк. Пошел он на желтый цвет и погибла бедняжка. А ей еще и двадцати двух не было. Говорят, я очень на нее похожа.

АДИЛ. Да ослепнут все волки на всем белом свете!

(Уходит.)

АНАХАНУМ. Что с ним, Адиля-ханум?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Разве непонятно? Возраст у него такой, что гулять ему, наслаждаться жизнью. А он сидит в четырех стенах, не знает куда себя девать. Вот и мается. *(Дважды звякает колокольчик.)* Опять тебя зовет. Погляди, Анаханум.

Анаханум входит в комнату больного и тут же возвращается.

АНАХАНУМ. Спрашивает, привезли ли хлеб. Я сказала, что Фриг еще не приехал.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Фриг обычно рано утречком выезжает. Вот-вот подьедет.

АНАХАНУМ. Родственники хорошие у вас, дай Бог всю жизнь вам их иметь. Ведь не было дня за все эти годы, чтобы не привезли ему хлеба из деревни. И правильно, что он магазинный хлеб не ест.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ну конечно, одно дело, когда пшеницу перемалывают фабричные жернова, которые, как бешеные, крутятся от электричества, другое – не спеша перемолоть зерно в сельской мельнице.

Колокольчик разрывается яростным звоном.

АНАХАНУМ. Кислород! О Боже!

АДИЛЯ-ХАНУМ. Быстрее! Не мешкай! Что с тобой, паралич что ли разбил?!

АНАХАНУМ. Сейчас, сейчас!

Обе хлопочут. Хватают кислородную подушку, лекарства, убегают в комнату больного. Торопливо входит Адил.

АДИЛ. Папе плохо! Анаханум! Мама! Дайте ему кислородную подушку!

Адила-ханум и Анаханум выходят из комнаты, смеются.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Вот человек! Даже в постели не оставляет свои шутки!

АДИЛ. Какие шутки? Он звонил непрерывно!

АНАХАНУМ. Он хотел проверить нас.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Хотел, говорит, испытать вашу реакцию в экстремальных обстоятельствах.

АДИЛ. Ну и ну!

АДИЛЯ-ХАНУМ. А ты вроде не знаешь, как может шутить твой отец?

АДИЛ. Однако...

АДИЛЯ-ХАНУМ. Весь род у них такой, Анаханум. Даже в самые тяжелые дни не перестают шутить. Разве только сыночек мой пока исключение. А вот вернется к нему зрение, и он станет таким же.

АНАХАНУМ. Говорят, веселый человек – это здоровый человек.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Да, озорной был Адил в детстве. В шестом классе своей учительнице музыки Эсфирь Абрамовне...

АДИЛ. Мама, прошу тебя, не надо!

АДИЛЯ-ХАНУМ. А что тут такого? Да, такого второго проказника, Анаханум, как мой сын, в школе не было. Бывало, серьезно так говорит: когда вырасту, пастухом буду. Знал, что отцу это неприятно слышать. А в четвертом классе взялся за «Капитал» Маркса. И одолел такую здоровенную книжищу! (Сыну.) Скажи честно, понял хоть что-нибудь?

АДИЛ. Конечно, нет! нравилось, что ее страницы уж очень приятно пахли.

Звонок наружной двери.

АНАХАНУМ. Хлеб, наверное, привезли.

АДИЛ. Фриг не так звонит.

'Адила-ханум уходит открывать.

АДИЛ. Что новенького, Анаханум?
АНАХАНУМ. Ничего особенного, Адил.

Возвращается Адил-ханум. С ней Нифтали.

АДИЛЯ-ХАНУМ. А почему Фриг сам не приехал? Там все в порядке?

НИФТАЛИ. Да это... Двоюродный брат это... немного...

АДИЛЯ-ХАНУМ. Что «немного»? Говори по-человечески! Как тебя зовут?

НИФТАЛИ. Вот тебе на! Неужто не признали?

АДИЛЯ-ХАНУМ (задумывается). Нифтали?

НИФТАЛИ. А как же! Он и есть!

АДИЛЯ-ХАНУМ. О, Боже! Только по голо-су и узнала. Вырос, настоящим мужчиной стал. (Спохватывается). Да, а с Фригом-то что? Ведь всегда только сам сюда хлеб привозит.

НИФТАЛИ. Да приболел малость Фриг-то наш, вот в чем дело. Повез, значит, на своей «Волге» зерно в армянское село, мельница-то на всю округу только там и сохранилась, а на обратном пути дождь его захватил. Полило, да еще как полило! Короче, застряла машина в луже и пришлось ему мешок на своем горбу домой тащить. Под проливным-то дождем, клянусь здоровьем дяди. Ну, ночью жар, лихорадка, кашель! Вот и слег наш Фриг, да еще как слег!

АДИЛЯ-ХАНУМ. А что врачи говорят?

НИФТАЛИ. Не было у него врачей, тетенька, а вот фельдшер Камал говорит, что если Бог очень захочет, то быть может, Фриг и не умрет.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Типун тебе на язык, парень. Не болтай глупостей!

НИФТАЛИ. А как же? Воспаление ведь, не насморк. Будь это в прежние времена, так я бы сюда уже после похорон приехал, после того, как братца Фрига, так сказать, в последний путь проводил. (Смотрит на Адил.) А это, значит, наш двоюродный братец Адил, тетенька? (Адил-ханум знаками объясняет ему, что Адил слепой.) Знаю, знаю, да покарай меня Бог! Знаю, что братец наш слепой! А жаль, очень жаль. Чтобы не слезить, так парень видный, что надо. Ты, тетенька, привези его в село, покажем колдунье Шамаме. Ну, что поздоровкаемся, двоюродный братец, что ли? Дай руку.

АДИЛ. Здравствуй.

НИФТАЛИ. А кто будет эта сестричка?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Эта сестричка – любимица наша, медсестра! Благодаря таким, как она, можно сказать, дядя твой еще и живет.

НИФТАЛИ. Как тебя звать, девушка?

АНАХАНУМ. Анаханум.

НИФТАЛИ. Ты посмотри, имя-то наше. А сама русская? Нет? Армянка?

АДИЛ. Да нет же, наша она.

НИФТАЛИ. А лицо почему так измазала краской, а?

АНАХАНУМ. Ведь я в городе живу. Тут все так делают.

НИФТАЛИ. А вы учитесь хорошему, что ж плохому учиться! (Видит на стене голову марала.) Тетенька!

АДИЛЯ-ХАНУМ. Что?

НИФТАЛИ. Неужели это голова того самого марала, что был у вас на даче?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Его, сынок, его.

НИФТАЛИ. А сам-то цел?

АДИЛ. Цел. Только в другом месте.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Перестань, Адил!

НИФТАЛИ. А где дядюшка? Можно его повидать?

АНАХАНУМ. Можно. Когда сам позовет, я ему скажу.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Видишь колокольчик?

НИФТАЛИ. Да.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Если понадобится ему что, или он захочет видеть кого, колокольчик звенит. Так мы узнаем, кого он зовет, что хочет.

НИФТАЛИ. Колокольчиком!.. Вот это да! Век живи, дядя! Раньше, когда, бывало, перебирались в горы на лето, точно так же на каждой арбе вешали колокольчик. У каждого свой особый звон был. А как же! Даже в самый густой туман люди знали где чья арба. Вот и дядюшка, возьму я его напасти, повесил колокольчик, чтобы народ знал, где лежит его сын. Будто его караван сквозь туман идет.

АДИЛ. Куда?

НИФТАЛИ. Чего?

АДИЛ. Куда караван идет?

НИФТАЛИ. Понятно куда! К радостным дням, в светлое и счастливое будущее!

АНАХАНУМ. Время для укола, Адил-ханум.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Когда сам позвонит, тогда и сделаешь. Сходи-ка ты лучше на кухню, принеси чай этим двум братцам, а я Амиру позвоню.

АНАХАНУМ. Хорошо.

Адил-ханум и Анаханум выходят.

НИФТАЛИ. О-ох! Чтобы не сглазить, а недурна эта сестричка!

АДИЛ. Какого цвета платье на ней?

НИФТАЛИ. Платье, говоришь? Да черт тебя побери, какое там платье, нет его, белевский халат на ней. А походка. Не идет, а рысит!

АДИЛ. Рысит! А скажи, держат сейчас в селе лошадей?

НИФТАЛИ. Так, редко кто. Пять-десять лошадей на всё село. Цены на них, было время, совсем упали, продавали, будто спички продают. Теперь нет, теперь, говорят, будь добр – выложи на круп жеребца пять-шесть сотенных. А чего ты спрашиваешь?

АДИЛ. Интересно... Скажи, а допустим, человек поехал на коне куда-то, а на обратном пути уснул в седле, так найдет конь домой дорогу?

НИФТАЛИ. Конечно! Есть такие кони, которые в десять раз, в тысячу раз умней человека!

АДИЛ. Значит, если всадник уснул, то... скажи, как называется эта штука, за которую держатся?

НИФТАЛИ. Уздечка, что ли?

АДИЛ. Да! Если выпустить уздечку, конь все равно довезет тебя, куда следует, так?

НИФТАЛИ. Довезет! Конечно, если место ему знакомо, ну, если он знает, куда ехать.

АДИЛ. Не провалится в яму?

НИФТАЛИ. А чего ему проваливаться?! Конь же не слепой, видит, куда шагает. Послушай, заклинаю тебя, говори проще, что ты все одно и то же повторяешь!

АДИЛ. А цвета груши на закате солнца лошади бывают?

НИФТАЛИ. Такого цвета я автомобиль видел иностранный! А лошадей не видел. *(Трижды звенит колокольчик.)* Кого просит дядюшка?

АДИЛ. Не кого, а что. Белое ведро.

Вбегает Анаханум с белым ведром и скрывается в комнате больного.

НИФТАЛИ. А для чего оно?

АДИЛ. Сам-то не может сходить... ну, куда надо...

НИФТАЛИ. Вот как... Понял, понял. Значит, дядюшка в это самое...

Адия-ханум приносит чай.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Адил, сынок, я так расстроена, так расстроена. Отец твой уже второй день не просит зеленое ведро. Даже третий день! Три дня по-большому не ходит.

АДИЛ. Надо лекарство дать. Что-нибудь вроде пургена. А еще лучше – касторку.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ты что, с ума сошел? Разве можно касторку без рекомендации врача? Случись что, люди плюнут нам в лицо.

АДИЛ. Но ведь касторку даже младенцам дают!

АДИЛЯ-ХАНУМ. Нет, нет, сынок. Скоро придет Амир, я попрошу, чтобы он позвонил в Москву, посоветовался.

АДИЛ. Мама, неужели Москва должна решать и проблему зеленого ведра?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Там врачи опытные, все знают.

АДИЛ. А ты с доктором Имановым советовалась?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Он бы касторку и посоветовал! Позавчера говорю ему: доктор Иманов, обратите внимание, кажется, правая нога больного бледнее, чем левая. С чего бы это? И как, думаешь, он отвечает?

АДИЛ. Как?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Надо почаще ему кинзу давать! И это – врач! *(Входит Анаханум. Адия-ханум заглядывает в ведро.)* Слава Богу, namного чище, чем вчера. Да, Анаханум? Прежняя уж очень мутная была.

АНАХАНУМ. Гораздо лучше!

АДИЛ. Легкая у тебя нога, Нифтали! Сон сбывается.

НИФТАЛИ. А что ты видел во сне?

АДИЛ. Видел, будто Анаханум в ярко-ярко-желтом платье идет мне навстречу и несет полные ведра с прозрачной водой... Вот какой фортель жизнь выкинула!..

АДИЛЯ-ХАНУМ. О невидимый глазу, избавь меня от болезней! Муж и сын пропадут без меня! Оба! *(Пауза.)* Анаханум, ополосни ведро и пойди в мою комнату, поспи часика два. Всю ночь ведь дежурила...

АНАХАНУМ. Ладно, только разбудите, если он позовет...

Анаханум уходит.

АДИЛ *(Прислушивается.)* Мама, кто-то открывает дверь.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ну и слух у тебя. Это или Амир, или доктор Иманов.

АДИЛ. Доктору Иманову тоже дали ключи?

АДИЛЯ-ХАНУМ. А что делать, по нескольку раз приходит за день. Надоело на звонки бегать.

Входит доктор Иманов. Не поздоровавшись ни с кем, тяжело ступая, проходит в комнату больного.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ну как, Нифтали, оценил воспитанность нашего доктора? Ни здравствуй, ни привет! Можно подумать, что не я, а кассир поликлиники выдает ему ежемесячно кругленькую сумму!

НИФТАЛИ. Может съездить ему в ухо, тетенька?

АДТИЛ. Съезди, съезди, братец!

АДИЛЯ-ХАНУМ. Самодовольный-то какой! А ведь ничего не знает!

НИФТАЛИ. Тетенька, да принесу я тебе жертву родных своих, пальцы у меня на ноге иногда так зудят, так зудят, просто спасу нет, тру другой раз до крови. Может, показать этому доктору?

АДИЛ. Покажи, покажи, братец, умоляю тебя, обязательно покажи!

НИФТАЛИ. А он станет смотреть? Не скажет, принеси сначала снимок?

АДИЛ. А разве у тебя прелом?

НИФТАЛИ. Какой перелом! Даже трещинки нет!

Доктор Иманов выходит от больного.

ИМАНОВ. Странно, Адиля-ханум, инжир еще не поспел. Ни на базаре купить, ни в коопторге.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Как его здоровье, доктор? ИМАНОВ. Вчера не к месту будь сказано, был я на поминках. Подавали плов, и бозбаш. А среди наших блюд плов и бозбаш – первостатейные. Не считая долмы, конечно. Но не о том речь. Так вот, Адиля-ханум, на столе была такая зелень, что словами не передать. Сказка! Лучше не смотреть, иначе пожалеешь в рот класть, чтобы не испортить. Признаюсь, такой зелени я в жизни не видел. Расспросил, конечно, узнал кое-что. Оказывается эту травку привезли из местечка под названием Бабизанан, что близ Сальяна. Организуйте для него, Адиля-ханум, не пожалеете.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Сделаем, это в наших руках.

АДИЛ. Рецепт выпишите, доктор?

ИМАНОВ. На зелень?

АДИЛ. Да.

ИМАНОВ. Ты все шутишь, а ведь может наступить день, когда и зеленый лук, и кинзу будут выдавать в аптеках по рецепту.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Бог не даст наступить такому дню!

ИМАНОВ. Разве это зависит от Бога? А что это чай у вас никто не пьет?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Сейчас принесу.

ИМАНОВ (*Смотрит на Нифтали.*) Кто этот парень? Раньше я его не видел здесь.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Фрига знаешь?

ИМАНОВ. Отлично знаю, здоровый бугай.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Это его двоюродный брат. Сегодня он привез хлеб. Фриг заболел. Поехал за мукой для дяди, попал под дождь и простудился.

НИФТАЛИ. Лежит, дохтур Иманов, крепко лежит братец мой, Фриг. Воспаление.

ИМАНОВ. Как же не быть воспалению?! Заметил я, что, сидя здесь за обедом, он ни разу не потянулся за зеленью.

НИФТАЛИ. Скажи, дохтур Иман, братец Фриг встанет с постели?

ИМАНОВ. Откуда же мне знать, парень? Я здесь, а твой брат в районе!

НИФТАЛИ. почему в районе? В селе он. Разве я позволю, чтобы братец умер на чужбине?

ИМАНОВ. Умри – лучше не скажешь; райцентр для села – чужбина! А где Анаханум?

АДИЛЯ-ХАНУМ. В моей комнате, отдыхает. Ей поспать надо.

ИМАНОВ. Не спать ей надо. Адиля-ханум, а замуж выходить, семьей обзаводиться. Адиля-ханум, давайте сделаем так. Я найду новую расторопную сестру, а вы отпустите на свободу Анаханум. Сколько лет прикована она к вашему дому. Загнали птичку в золотую клетку.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Послушай, доктор Иманов! Считаю, что я этих слов твоих не слышала и больше не услышу. Я могу удвоить, утроить ей оплату, но не дам двух шагов из этого дома сделать. О чем это ты говоришь? Он привык к ее уколам, к тому, как она налаживает кислородную подушку, чаще всего зовет именно ее, считает своей дочерью, а ты такие речи заводишь!

АДИЛ. Не отпускай ее, мама, правильно!..

АДИЛЯ-ХАНУМ. Слышал?

ИМАНОВ. Что ж, вам виднее... Это я в порядке совета...

АДИЛЯ-ХАНУМ. Нам такие советы не нужны, доктор. А что касается всяких там

ненужных разговоров про тебя, так мы заткнули говорунам рот...

ИМАНОВ. Адиля-ханум, не надо сердиться, я сказал не подумав, прошу извинить меня.

НИФТАЛИ. Дохтур Иман, а вот мне как раз нужен двой совет.

ИМАНОВ. Тебе-то что надобно?

НИФТАЛИ. Да принесу я тебе в жертву моих отца и мать, чешутся, ой, как чешутся пальцы на ногах. Как от этого избавиться, а?

Адиля-ханум уходит.

ИМАНОВ. Сначала надо выяснить причину болезни, а потом уже думать, как ее лечить. Может, это у тебя вызвано нехваткой витаминов? Зелень каждый день ешь?

НИФТАЛИ. Пасусь с утра до вечера...

ИМАНОВ. Коли пасешься, тогда понятно, что у тебя. У тебя нехватка соли в организме. Тебе надо раз в неделю лизать каменную соль. Этак немного, полкило, не более.

Возвращается Адиля-ханум с чаем, ставит его перед Имановым.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Прошу, доктор. (Нифтали) Чем это ты расстроен?

НИФТАЛИ. Еще бы! (Показывает на доктору.) Взрослый мужчина, а говорит глупости. Соль я должен лизать, как корова, чтобы ноги не чесались.

Звонит колокольчик. Адиля-ханум идет к больному.

ИМАНОВ. Да я шучу, не обижайся. Думаешь, нам все эти тревоги с больным даром прошли? Все нервы истрепались. Иной раз специально друг над другом подшучиваем, чтобы развеяться немного. Меня самого многие в этом доме высмеивают, да Бог с ними. Лишь бы только он выздоровел.

АДИЛ. А разве вам выздоровление папы не в убыток будет?

ИМАНОВ. Адил, сынок, если бы это не ты был, я бы ответил тебе, как надо. Растолковал бы тебе, что в этом деле убыток и что прибыль, для кого и почему. А теперь скажу только, что его выздоровление многим – я не говорю всем! – но многим принесет пользу, в том числе и мне. Еще до своей болезни он не оставлял меня без внимания. И сейчас ко мне относится с уважением, как старший брат. Понял?

НИФТАЛИ. Хорошо сказал дохтур, брат. Молчи и не отвечай!

АДИЛ. Нет, Нифтали, доктор не говорит всего, что знает, а было бы здорово. Если бы сказал. Хотя бы мне.

НИФТАЛИ. Послушай, дохтур, может разуться мне, посмотришь все-таки ногу?

ИМАНОВ. Прямо здесь?

НИФТАЛИ. Хочешь здесь, хочешь – можем выйти. Ноги чистые, не бойся. Только вчера велел жене вымыть.

Входит Адил-ханум.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Нифтали, сынок, дядя зовет тебя. Только просил, чтобы ты входил танцуя «Рухани».

НИФТАЛИ. Да возьму я его боли на себя! Сказала, кто я?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Сказала, сказала, он вас знает лучше, чем вы сами себя.

НИФТАЛИ. Умереть мне за тебя, дядя!

АДИЛЯ-ХАНУМ. Адил, иди и ты, хочет и тебя повидать.

Адил и Нифтали проходят к больному.

Нифтали идет пританцовывая.

ИМАНОВ. Фриг поскромнее будет, пожалуйста. Этот уж очень легкомысленный.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Не такой уж скромный этот Фриг. Прodelки прежние дают, вот и поджал хвост. К тому же больше для вида, в нашем присутствии. Устроил муж его в лесной техникум, комнату снял для него в Ичери-шехер, платил ежемесячно за нее, да и в карман на расходы клал каждое первое число сотню-другую. Догадайся, чем отблагодарил его Фриг?

ИМАНОВ. И чем же?

АДИЛЯ-ХАНУМ. А тем, что в один прекрасный день мы обнаружили, что из дома исчезло облигаций на тридцать тысяч да именной пистолет «Вальтер», вот чем!

ИМАНОВ. А как узнали, что он? Признался?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Как же не признаться? Муж тогда сказал, чтобы тот пистолет хотя бы вернул, а уж облигации – ладно, коту под хвост! Покойная мать Фрига вся в слезах принесла пистолет. Буквально на следующий день (кивает на дверь) он сдал пистолет куда следует, не стал больше хранить дома.

ИМАНОВ. А с Фригом что сделал?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ничего!.. Построил ему дом в селе из трех комнат с верандой.

ИМАНОВ. То есть как?

АДИЛЯ-ХАНУМ. А так!.. Сказал, пусть сидит дома в селе, обзаводится семьей, детьми. Это его вразумит! И ведь так и случилось. Сей час Фриг действительно человеком стал.

ИМАНОВ. Да, другой бы на месте вашего мужа в тюрьму здакого родственника упек!

АДИЛЯ-ХАНУМ. А какой толк? Такие горячие парни, как Фриг, из тюрьмы выходят готовыми убийцами. Эх, что говорить, много хлопот доставила нам его родня! А ведь ногтя его не стоят. Об одном только мечтаю, встал бы на ноги! Ради этого все готова снести.

ИМАНОВ. Да, вы нужны ему.

АДИЛЯ-ХАНУМ. И ему, и сыночку моему слепому.

Возвращаются Адил и Нифтали. Адил останавливается у двери, протягивает палку в сторону картины.

АДИЛ. А этот все висит здесь? Глаза в добрых морщинах, детская улыбка под густыми усами. У-у... дьявол!

НИФТАЛИ. Что ты, замолчи! Вдруг еще перевернется все!

АДИЛЯ-ХАНУМ. Не ворчи, сынок. Ты же все равно не видишь его.

АДИЛ. Что с того, что не вижу. Знаю ведь, что он здесь, на этой стене, в этой комнате, в этом доме, в этом городе.

НИФТАЛИ. Послушай, оставь, висит – хлеба не просит, денег не требует.

ИМАНОВ. Адиля-ханум, я, пожалуй, пойду. Пора мне.

НИФТАЛИ. Дохтур, подбрось меня до автовокзала.

АДИЛЯ-ХАНУМ. А ты куда, Нифтали?

НИФТАЛИ. Так мне же попасть на автобус, а завтра тбилиским поездом снова к вам. Хлебцы доставить...

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ладно, вот только не поел ты. А деньги у тебя есть? Не стесняйся.

НИФТАЛИ. Есть, клянусь здоровьем Адиля, не беспокойся. Только если завтра не доставлю хлеб, не волнуешься. Это значит, братишка Фриг скопытился. *(Смеется.)*

АДИЛЯ-ХАНУМ. Замолчи, типун тебе на язык, бессовестный!

НИФТАЛИ. Счастливо оставаться! *(Доктору.)* Послушай, чуть не забыл. А какая у тебя машина?

ИМАНОВ. «Волга», ГАЗ-24.

НИФТАЛИ. Живи, не умирай, дохтур! Это хорошая машина, просторная. Можно рвануться и показать пальцы. Вот если бы «москвич», то как бы ты меня осматривал!

ИМАНОВ. Пошли, пошли, село!

АДИЛЯ-ХАНУМ. Вечером придете, доктор?

ИМАНОВ. Обязательно и всенепременно!

Иманов и Нифтали уходят.

АДИЛ. Мама, милая, скажи, зачем мне жить, почему надо так долго ждать смерти?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Что с тобой, сынок? Что случилось? Поверь, дорогой, все у нас будет хорошо. И папа встанет с постели, и с тобой все будет в порядке. Зачем же мучить себя?

АДИЛ. Скажи... *(Пауза.)* Скажи, мама, те ботинки все еще под кроватью у папы?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Какие? Ах, эти английские? Ты их еще помнишь? Они тебе понравились? Не судьба, значит, отец всего один раз и надел их.

АДИЛ. Почему они там, под кроватью?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Не помню уже, кажется, сам попросил. Лежат там, кому мешают. А чего ты вспомнил вдруг?

АДИЛ. Знаешь, мама, папа что-то рассказывал Нифтали, а я сидел у окна, напротив. Нифтали меня посадил... Слушал о чем они говорят. Вдруг папа перебил Нифтали и говорит...

АДИЛЯ-ХАНУМ. Что же он сказал, мой дорогой?

АДИЛ. Сказал, – не зыркай на мои ботинки, шенок, сам буду носить!

АДИЛЯ-ХАНУМ *(Пауза.)* Пустяки все это, не принимай близко к сердцу. Ты же знаешь, как он тебя любит, жизнь за тебя отдаст, если понадобится. Ну, сболтнул, не подумал, чего ты расстраиваешься? Другой на его месте и не такое бы сказал, шутка ли столько времени быть прикованным к постели? Нервы, они ведь не стальные. Потерпи! Вот поправится отец, все продам, в долги войду, милостыню пойду просить, но добьюсь, чтобы профессор Федоров тебе операцию сделал.

АДИЛ. Мама, а где мое пальто?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Перестань! Занафталинила, убрала в чулан! Не начинай снова, не терзай меня! Сейчас лето, сынок, июль на дворе! Никакого снега нет! А знобю тебе, оттого что нервничаешь, что беспокойно у тебя на душе, тревожно.

АДИЛ. Нет, не может человек мерзнуть потому, что беспокойно ему, тревожно на душе... Послушай, мама, а что если профессор Федоров умрет прежде, чем папа выздоровеет?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Что ты говоришь? Такой крепыш, ну прямо знаменитый борец или боксер. Как говорит Фриг, на чистом сале вскормлен.

АДИЛ. А ты откуда это знаешь?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Да его же через день по телевизору показывают.

АДИЛ. А если попадет под машину? Слушается авария?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ты хочешь сказать, что в огромном государстве нет другого толкового врача? Пусть даже авария! Повезу тебя в Одессу, в Киев, сейчас легче стало, за границу повезу тебя!

АДИЛ. Куртку тоже в чулан убрала?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ох, сынок, измучил ты меня, право! Сейчас посмотрю, если найду, принесу. Какую тебе, новую или старую?

АДИЛ. Конечно, старую. Новую не видел, не представляю, что это за вещь.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Наберись терпения, сынок, ведь ты мужчина. Терпением можно горы своротить.

Адила-ханум выходит. Входит Анаханум. Она только что проснулась. Зевает, потягивается.

АДИЛ. Доброе утро. Анаханум!

АНАХАНУМ. Ну и слух у тебя, Адил! Не по себе становится.

Анаханум передевается в новый халат, не скрываясь от Адилы.

АДИЛ. Что это за шорох, Анаханум?

АНАХАНУМ. Закатываю рукава халата. Очень жарко сегодня.

АДИЛ. Очень жарко говоришь?

АНАХАНУМ. Да. Жарко очень. Но прошлым летом, пожалуй, было жарче.

АДИЛ. Ты права. Послушай, Анаханум, а всегда ли ты говоришь правду?

АНАХАНУМ. О чем ты?

АДИЛ. Хочу спросить тебя, только скажи правду.

АНАХАНУМ. Валий. Я готова.

АДИЛ. Скажи, о чем ты мечтаешь?

АНАХАНУМ. Эх, Адил, с детства есть у меня большая мечта.

АДИЛ. Какая?

АНАХАНУМ. Только ты не смейся. Мечтаю найти чемодан полный денег. Миллиона два.

АДИЛ. Зачем тебе столько?

АНАХАНУМ. А это я узнаю после того как найду.

АДИЛ. Большое тебе спасибо, Анаханум, ты действительно хороший человек.

АНАХАНУМ. Почему же ты так решил?

АДИЛ. Я думал, ты скажешь, что мечтаешь поставить отца моего на ноги. Так бы ответил доктор Иманов.

АНАХАНУМ. Может быть. Скорее всего, так.

Входит Адилья-ханум.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Возьми, сынок, вот твоя старая куртка. Поспала хоть, Анаханум?

АНАХАНУМ. Слегка. Скоро лекарство давать.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Какое?

АНАХАНУМ. А то, что Багадур привез из Москвы.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Чует мое сердце, ей-Богу, чует, это лекарство принесет ему выздоровление.

АДИЛ. Мама, встречай тетю Таджмахал.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Перестань, ради Бога, не издевайся. Перехвалили, видать, твой острый слух. Не фокусничай.

АДИЛ. Ей-Богу, это она. Кашлянула внизу.

Звонок в дверь.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ну и ну, сынок! Если это действительно Таджмахал, то всем расскажу, что в доме у нас ясновидящий объявился!

АДИЛ. Ясновидящий – это ты правильно заметила.

Адилья-ханум выходит, возвращается с Таджмахал.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Клянусь тобой, Таджмахал, Адил заранее предупредил о твоём приходе. Вот это слух!

ТАДЖМАХАЛ. А чего ему делать? Навострил уши, как черный кот. Послушай, Анаханум, то, что ты делаешь уколы его отцу, это хорошо, а почему бы тебе сыночка не взять с собой на крышу, не промякнуть с ним пару раз?!

АНАХАНУМ. Бабушка Таджмахал, ради Бога, не дымите здесь, уберите свою трубку, дышать нечем. Вчера он жаловался.

ТАДЖМАХАЛ. Пусть задыхается! А мне-то что? К черту? Эту трубку подарил мне покойный мой муж. С тех пор и курю.

АНАХАНУМ. Садитесь хотя бы ближе к двери и дымите за порог.

ТАДЖМАХАЛ. Послушай, девушка, где захочу, там и буду дымить. В законах советского государства не написано, что я, Таджмахал, должна затянуться на этом месте, а дым на том свете выпустить... Как живешь, Адил?

АДИЛ. Спасибо, тетя Таджмахал, молюсь за вас.

ТАДЖМАХАЛ. Молись Богу, сынок. Потому и дошли до жизни такой, что молимся на всякую собаку. Разве можно молиться на человека? Послушай, Адиля, этот парень вполне накалился, ты вот что сделай, или слегка жени его, или же найди ему левый товар, эдакую понятливую особу. Дай остыть ему немного.

АДИЛ. Браво, тетя Таджмахал, это мужской разговор.

ТАДЖМАХАЛ. Я – не мужчина! А вот тебе быть мужчиной не помешало бы! Что укутался? Или снег выпал на дворе?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Мерзнет он.

ТАДЖМАХАЛ. Правильно! Когда вижу во сне покойного мужа, тоже мерзнуть начинаю: подвисься, ему говорю, дай и мне лечь под одеяло, ведь замерзла вся. А как же? (Вынимает из кармана бумажку.) Возьми, Адиля-ханум. Все, как договорились.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Та самая молитва?

ТАДЖМАХАЛ. Откуда мне знать? Сказала молле, мне нужна молитва от того-то и того-то. Он написал и дал. Откуда же мне знать, что там написано? Молитва там, брань, а может анонимка, донос, откуда мне знать? Алфавит арабский. Да тебе-то что? Возьми, положи ему под

подушку, поможет – хорошо, не поможет – тоже не беда.

АДИЛ. Ну и голова у тебя, тетя!

АДИЛЯ-ХАНУМ. Большое спасибо, Таджмахал.

ТАДЖМАХАЛ. Большое спасибо?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ну да, спасибо, говорю, за молитву. Разве не понятно?

ТАДЖМАХАЛ. Послушай, два рубля отсюда до мечети, два рубля от мечети сюда. Это составляет четыре рубля. Десять рублей тому голубоглазому молле. Итого четырнадцать рублей. Пока то да се – три стакана кроушена. Видишь, какая жара на дворе? Значит прикинь еще пятнадцать копеек. Ладно, скинем мелочь. Остается пятнадцать рублей. Дай мне эти деньги, и я скажу тебе большое спасибо, а твое «большое спасибо» мне не нужно.

АДИЛЯ-ХАНУМ. (Дает деньги.) Ну и мелочная ты женщина! Возьми! Да станет поперек горла все, что я тебе давала!

ТАДЖМАХАЛ. Я никогда не просила у тебя денег, ты сама другой раз совала мне в карман пятерку или десятку. Скажи, Адил, у тебя самый острый в этом доме слух, слышал ты когда-нибудь, чтобы я просила у нее денег?

АДИЛ. Нет, тетя Таджмахал, нет! Я ни разу ничего подобного не слышал.

ТАДЖМАХАЛ. Ай, спасибо тебе, да будет жертвой Анаханум сладкозвучной речи твоей.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Плохая ты соседка, женщина, очень плохая.

ТАДЖМАХАЛ. Будь у Рокфеллера такая соседка, как я, он был бы в два раза богаче. Главное между соседями правда да точный расчет.

*Звонок в дверь. Адиля-ханум уходит. Входят
Амир, Мармар и Бахадур.*

АМИР. Где? Где телефон? Куда вы его дели?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Сейчас подам.

АМИР. Не трудись, Адиля-ханум, Бахадур принесет. *(Бахадур.)* Шевелись.

БАХАДУР. Будет сделано. *(Уходит за телефоном.)*

ТАДЖМАХАЛ. Послушай, Мармар, садись ко мне, доченька, от тебя так хорошо пахнет.

МАРМАР. Да, а какво мне. От тебя же махоркой несет!

ТАДЖМАХАЛ. Во-первых, это не махорка, а табак. Во-вторых, тебе не обязательно принимать ко мне, это я буду тебя нюхать. Правильно, начальник?

АМИР. Эх, женщина, заладила начальник-начальник, думаешь, легко быть над людьми, вести их за собой. Особенно в наше время, когда никакого уважения к должности... Адил, мой друг звонил тебе?

АДИЛ. Да, звонил.

АМИР. И что же, ты пошел?

АДИЛ. Нет, не пошел.

АМИР. Ну ты даешь! Сюда, что ли, привести?

МАРМАР. Кого, Амир? Зачем?

АМИР. Потом скажу, посиди, побеседуй с тетей Таджмахал.

АДИЛЯ-ХАНУМ *(На ухо Мармар.)* Я тебе потом скажу...

АМИР. Бахадур, позвони-ка в междугороднюю, узнай, кто из девушек дежурит. Скажи, чтобы Москву, Ленинград держали наготове.

БАХАДУР. Будет сделано

АМИР. Вот такие дела. А теперь расскажите, что нового? *(Колокольчик звенит. Анаханум берет лекарство, шприц, проходит к больному.)* Анаханум, скажи ему, что я здесь, и что все в порядке.

АНАХАНУМ. Хорошо...

ТАДЖМАХАЛ. А ну, догадайся, Амир, кого я вспоминаю, глядя на тебя?

АМИР. Не трогай меня, Таджмахал, не задевай, добром не кончится. Всех твоих ухажеров разгоню, старой девой останешься коротать дни свои.

ТАДЖМАХАЛ. А что сам? Не мужчина, что ли?

АМИР. Я? С радостью! Пусть разрешит Мармар, хоть сегодня переберусь к тебе. Тем более, что собирать мне, особенно нечего.

ТАДЖМАХАЛ. Ври побольше, черный камень тебе на голову! Ничего-то у него нет! Ох, какой бедненький. Хоть подаяния проси! Э, клянусь Богом, до революции были негодяи, но таких шакалов не было, нет.

АМИР. Обо мне-то что плохого можешь сказать?

ТАДЖМАХАЛ. Ох, Амир, не напрашивайся! И не зарывайся! Все в один миг измениться может!

МАРМАР. Не каркай, старуха! И, пожалуйста, пересядь немного, задыхаюсь от твоего дыма.

БАХАДУР. На коммутаторе Зарифа и Элиза. Они в курсе.

АМИР. Тогда вот что, быстро вниз... Подожди минуту. Адиля-ханум, сегодня нам подадут чай?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Сейчас заварю. Мармар, помоги мне.

АМИР. Иди, иди, чтобы Адиле-ханум не было скучно.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Идем, Мармар, мне с тобой надо поговорить.

ТАДЖМАХАЛ. Мармар, а ты не боишься нас оставить одних? Как бы Амир не уплыл от тебя!

МАРМАР. Что же делать, значит, судьба, будьте счастливы!

Адила-ханум и Мармар выходят.

БАХАДУР. Быстро вниз...

АМИР. Что?

БАХАДУР. Вы сказали быстро вниз.

АМИР. Да, быстро вниз... (Размышляя.)

Элиза – это та, голубоглазая?

БАХАДУР. Нет, голубоглазая – другая. С длинными ногами. У этой ножки толстенькие, коротковатые. А глаза у той, кажется, серые...

АМИР. Это ты ей красные сапожки отвозил?

БАХАДУР. Точно.

ТАДЖМАХАЛ. Амир, пришли и мне красные сапожки. Заключаю тебя здоровьем Мармар, пришли а?

Телефон звонит.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Амир, послушай.

АМИР. Бахадур, подай телефон, не слышишь?

ТАДЖМАХАЛ. Купишь, Амир? Обожаю красные сапожки.

АМИР. Постой, женщина, не заводись. (Бахадур протягивает трубку телефона.)

Алло! Да. Кто звонит? Как это таксист? Поднимись наверх! Ладно, сейчас к тебе подойдут. (Кладет трубку.) Вот дела...

ТАДЖМАХАЛ. Хорошая новость, начальник?

АМИР. Какая уж там хорошая... Бахадур, быстро вниз...

БАХАДУР. Я давно готов.

АМИР. Там Мамедага прислал масло, сметану, мясо-шмясо. Принеси сюда. Там такси стоит у ворот.

Адила-ханум и Мармар вносят чай.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Что случилось, Амир?

АМИР. Да там... Мамедага передал кое-что с шофером такси.

Бахадур уходит.

АДИЛЯ-ХАНУМ. А сам он где?

АМИР. (Пауза.) Умер.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Как-то есть умер?

АДИЛ. Когда умер, как?

АМИР. Попал в аварию! И что он делал на Восьмом километре?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Да это я послала его к Давиду! Лучше бы язык мой отсох, когда послала его туда!

АДИЛ. Послушай, Амир, не понятно, если бедняга и в самом деле умер, то как же он прислал масло, мясо?

АМИР. Таксист сказал, что когда он подошел к Мамедаге, тот был еще жив, успел назвать адрес и попросил доставить сюда эти продукты.

АДИЛЯ-ХАНУМ. *(Плачет.)* Надо было пригласить таксиста...

АМИР. Сказал. А какое это имеет значение. Спасибо, что сообщил. И покупки доставил. Ну дела! Никто не может знать, что случится с ним через минуту! А мы сидим и шутим здесь с тетей Таджмахал.

АДИЛ. Ай, ай, ай... Бедный Мамедага!.. Мама, как ты скажешь об этом папе?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Сынок, разве можно ему такое сообщить? Ведь он любил Мамедагу, как родного сына.

АДИЛ. А как же завтра? Ведь Мамедага не придет...

АДИЛЯ-ХАНУМ. Завтра видно будет, что-нибудь придумаем.

МАРМАР. Утро вечера мудренее.

АМИР. Жаль, жаль его, достойный был парень.

*Анаханум выходит из комнаты больного.
Дверь остается открытой.*

АНАХАНУМ. Что случилось? Адила-ханум? Что вы плачете, Мармар-ханум?

ТАДЖМАХАЛ. Что случилось, что случилось... Мамедага пал жертвой из-за масла-сметаны! Отец двух детей, отец двух сирот!

АДИЛЯ-ХАНУМ. Не болтай глупости, старая ведьма! Из-за масла-сметаны! Тоже скажет! Будто во всем Азербайджане Мамедага первый и последний из шоферов, попавших в аварию! Взбесилась совсем!

АМИР. Ладно, не обращай внимания, пусть болтает!

ТАДЖМАХАЛ. Ничего, ничего, пусть ругает. Лишь бы успокоилась. А ты, Мармар, сходи на кухню, принеси молоток, дай ей, пусть ударит меня по голове.

МАРМАР. Перестань паясничать, человек ведь умер, пойми ты, наконец!

ТАДЖМАХАЛ. Человек умер? Нет, не человек умер, а слуга этого дома, который многие годы разрывался на части, чтобы угодить хозяевам! Человек умер?! А чего же вы сидите, пойдите хоть в дом этого несчастного, поплачьте вместе с его женой и детьми, бейте себя по коленям. Зачем здесь-то слезы лить, причитать и плакать? Кто услышит вас, за этими толстыми стенами?

АДИЛ. Она права, надо сходить туда.

АМИР. Послушай, Адил, о чем ты говоришь? Как это сходить туда? Эта старуха говорит, что ей в голову придет, а ты повторяешь? Хоть бы подумал, прежде чем сказать!

МАРМАР. *(Показывает на комнату больного.)* Разве можно оставлять его одного в доме?

ТАДЖМАХАЛ. Что с ним случится? А? Все, что должно было случиться с ним, уже случилось. Сколько лет прикован к постели, и еще пролежит. Вот тому бедняге уже не лечь, не встать. Анаханум, я, Адил останемся здесь. А вы пойдите, помогите его семье. Послушай, Амир, а может у него нет родных, близких людей? Такой расторопный, умелый человек, как ты, там теперь нужен больше, чем сам Господь. Богу там уже нечего делать.

АМИР. Такое скажет, что не знаешь смеяться иди плакать!

АДИЛ. Но мы же останемся здесь! Трое!

АДИЛЯ-ХАНУМ. А если он позовет меня, или Амира, Мармар? Ведь он знает, кто здесь!

АДИЛ. Мамочка, дорогая, не волнуйся. Я пойду к нему, скажу: «Не переживай очень, Мамедага попал в аварию, погиб». Взрослый он человек, впервой ли ему со смертью сталкиваться? Что, он не знал о ночных арестах? Или не исчезали бесследно его соратники?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Адил, ты хочешь убить родного отца!

ТАДЖМАХАЛ. Не умрет он, не бойся, не умрет!

МАРМАР. Послушай, женщина. Ты нам всего-то соседка, так и веди себя, как соседка. Чего ты встреваешь не в свое дело! Посмотри на Анаханум, можно сказать, член нашей семьи, но сидит в сторонке, слово не скажет. Будь любезна, закрой свой прекрасный рот!

Входит Бахадур, заносит вещи, присланные Мамедагой.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Унеси, унеси, чтобы я не видела ничего этого! Я не смогу к ним притронуться! Оставь там, у входа. Тетя Таджмахал заберет себе. Возьми, женщина, поешь, если душа примет.

ТАДЖМАХАЛ. Почему же не принять, примет! От Бога это. Возьму и съем спокойно. Буду считать, что Мамедага сам себе устроил поминки. Поем и скажу: да пожалует Господь Бог раба своего, отец двух сирот, погибший во имя продуктов для своих собственных поминок! *(Плачет, бьет себя в грудь.)*

АДИЛ. Мама, кто-то от нас должен съездить туда.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Не мучь меня, сынок, кто поедет?

МАРМАР. Будь здесь доктор Иманов, можно было его попросить.

ТАДЖМАХАЛ. Конечно, если не может лечить живых, пусть хоть мертвых воскресит.

АМИР. Нашел человека! Это Бахадур. Эй, Бахадур!

БАХАДУР. *(Прибегает.)* Слушаю, Амир-муаллим!¹

АМИР. Вот что, братец, жми сейчас же в дом Мамедаги. Слышишь? От нас, в первую очередь от самого, передай соболезнования, затем скажи, что завтра, если все будет в порядке, придем на похороны. Уразумел?

БАХАДУР. А как насчет того, чтобы дать кое-что?

АМИР. Нет, положительно у него отменная голова! *(Мармар.)* Сколько у тебя в сумочке?

МАРМАР. Амир, но я ведь не знала, что такое случится! Совсем мало взяла с собой. Всего две тысячи.

ТАДЖМАХАЛ. Бедняжка Мармар!

АМИР. Ничего, давай! Бахадур приедешь туда, прошу-пай, узнай, кто главный, тому и сунь в карман. Надеюсь, знаешь, как в таком случае деньги суют в карман? Чтобы пятьдесят человек случайно увидели. Скажешь — это от него.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Спасибо, Амир, чтобы я делала без тебя?

¹ Муаллим (азерб.) — учитель, здесь обращение.

АМИР. О чем ты, Адиля-ханум? До самой своей смерти я не смогу расплатиться с твоим мужем! (*Бахадуру.*) Чего стоишь? Лети! Машина внизу!

БАХАДУР. Куда?

АМИР. Как куда? В дом Мамедаги!

БАХАДУР. Но я не знаю адреса.

АМИР. А кто знает?

АДИЛЯ-ХАНУМ. И я не знаю.

АМИР. Кто же знает?

МАРМАР. Адиля-ханум, кого возил Мамедага после него?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Откуда мне знать? Все говорил «новый хозяин, новый хозяин». Ни имени, ни фамилии. Анаханум, может ты...

АНАХАНУМ. Откуда, Адиля-ханум? Нет, не знаю.

АМИР. Как узнать его адрес? Кто может знать?

АДИЛ. Я.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Слава Богу!

АМИР. Говори, Адил, ну? Бахадур ждет.

АДИЛ. Я могу только показать. Вернее, мог бы показать. Мы с папой бывали у него. Его мама замечательно готовит. Помню, как ехали, но названия улицы, номер дома...

АДИЛЯ-ХАНУМ. Бедный мой сыночек!

Колокольчик звенит.

МАРМАР. Анаханум, тебя, кажется.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Быстрее, доченька. А двери-то не прикрыты! О Боже, хоть бы он не услышал, о чем мы здесь говорили!

Анаханум входит и тут же выходит.

АНАХАНУМ. Улица адмирала Нахимова, дом 12, квартира 35.

Бахадур бежит, на ходу повторяя адрес.

АМИР. О люди, о народ! Видели? Как не пожертвовать ради такого человека собственной жизнью? Вот это мужчина!

АДИЛЯ-ХАНУМ. Теперь-то хоть двери как следует прикрыла?

АНАХАНУМ. Да.

АМИР. Ну и ну! Вот это человек!

МАРМАР. Ей Богу, я слов не на хожу, ноги готова ему целовать.

Адил плачет.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Что с тобой, сынок?

АДИЛ. Я очень люблю папу, больше всех. Знаешь, как он смешил всех в доме Мамедаги, какие тосты говорил. Каждый раз матери его делал подарки. Однажды подарил золотые часы. Да только старуха в часах не разбиралась. Не знала цифр, не понимала зачем стрелки...

АМИР. Умрите все! Сукины сыны, почему не умираете? Где народ? Где Бог, где? Где справедливость? Придите, придите же, смотрите, кто лежит, прикованный к постели! Не горюй, Адил, все образуется! А если не образуется, значит мы не мужчины!

Раздается храп спящей Таджмахал.

МАРМАР. И как она незаметно уснула! Только коснулась головой моего плеча...

АМИР. Не шевелись, пожалуйста, будь человеком, пусть поспит немножко. Народная старуха!

МАРМАР. Да, однако голова у этой народной старухи, словно камень. Плечо отваливается.

АМИР. А ну-ка, подожди, я сейчас... Она над вами живет?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Да, этажом выше.

АМИР. Клянусь, понесу ее на руках. Как балерину. Только не шумите, прошу вас, не смейтесь, проснется.

Амир подымает тетю Таджмахал, медленно уносит. В дверях Таджмахал просыпается.

ТАДЖМАХАЛ. Начальник, на крышу несешь? Неси, милый, неси, лето жаркое, ночи звездные, помяукаем на крыше всласть. Гудбай, Мармар!

Амир уносит Таджмахал.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ох этот Амир! Спасибо ему, легче стало. Мармар, не забудь о моей просьбе.

МАРМАР. Не волнуйся, Адила-ханум, устроится. Все в наших руках.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Адил, сынок, пойдем со мной, тебе поесть пора.

АДИЛ. Принесла бы сюда.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Нет, дорогой, на кухне удобнее и тебе, и мне.

Адила-ханум берет Адилу под руку, и они уходят.

АНАХАНУМ. Как мне жаль этого парня! Такой умный, симпатичный, а надо же...

МАРМАР. Эх, Анаханум. Такова жизнь, ничего не поделаешь. Рано или поздно сделают операцию, все станет на свое место... Ну, и жарница стоит!

АНАХАНУМ. В прошлом году было жарче.

МАРМАР. Я люблю зиму. Оденешься тепло, холод нипочем. А как приятно бродить по Москве в морозный день. Конечно, если на тебе добрая шуба. Кстати, у тебя есть шуба, Анаханум?

АНАХАНУМ. Откуда? Конечно, нет.

МАРМАР. Ты только посмотри! Вот это да! В прошлом году я купила себе прекрасную цигейскую шубу. А на днях Амир принес другую такую же. Как назло мала мне. Встань-ка, Анаханум... да тебе будет как раз, будто по тебе сшита. Хочешь, Анаханум?

АНАХАНУМ. Кто откажется, Мармар? Но они дорогие, ведь из натурального меха...

МАРМАР. Да кто у тебя денег-то просит? Разве я позволю себе продать тебе что-то? Не стыдно тебе?

АНАХАНУМ. А как же тогда? Как могу я принять такой дорогой подарок?

МАРМАР. А разве мы чужие? Амир на днях говорил, будь у меня такая сестра, как Анаханум, горя бы не знал. Что ни говори, тебе нынче повезло, дай поцелую тебя!

АНАХАНУМ. Даже не знаю, как благодарить, Мармар...

МАРМАР. Поцелуй сюда! Вот и благодарность твоя!

АНАХАНУМ. Большое спасибо. Для тебя, поверь, я сделаю все, что смогу!

МАРМАР. Только не в качестве медсестры! Упаси Бог!

АНАХАНУМ. Хорошо, как родная сестра!

МАРМАР. Эх, Анаханум, ты так здорово сказала про Адила, я чуть не расплакалась.

АНАХАНУМ. Поверьте, главная трагедия этого дома, — то, что произошло с Адилем.

МАРМАР. Да, конечно. Молодой, здоровый парень. Его ровесники гуляют в свое удовольствие, Бог знает, чем занимаются... Сама знаешь, что творит нынешняя молодежь.

АНАХАНУМ. Ну, конечно...

МАРМАР. Эх, Анаханум, нам, женщинам, хорошо известно, что значит для здорового мужчины постоянно жить в четырех стенах, не видеть женщин, не прошвырнуться с какой-нибудь куклой по бульвару.

АНАХАНУМ. Наверно, не легко.

МАРМАР. Беда в том, что и женить его в этом возрасте нельзя. Да и о какой женитьбе может быть речь, если отец в таком состоянии?..

АНАХАНУМ. Да, это действительно так.

МАРМАР. Бедняжка, нынче ночью видел тебя во сне.

АНАХАНУМ. Знаю.

МАРМАР. Анаханум, пойми меня правильно. Сколько времени живете вы с ним под одной крышей, привыкли к голосам друг друга... Прошу тебя о самом малом, сестра моя, посиди с ним иногда ночью, когда мать его уснет, поговори с ним ласково, поддержи его за руку... что мне сказать тебе, милая, такова жизнь... Кто-то идет сюда, потом поговорим.

АНАХАНУМ. А что потом? Ты сказала все, Мармар, я не ребенок...

МАРМАР. Хочу сказать...

АНАХАНУМ. Посмотрим...

Возвращается Адил-ханум, Амир и Адил.

АМИР. Снес Таджмахал прямоиком в постель. Внуки хохотали, животики надорвали! Поражаюсь ее жизнелюбию, вот это да!

Входит доктор Иманов.

Сколько лет, сколько зим, доктор!

ИМАНОВ. Анаханум, снотворное ввели ему?

АНАХАНУМ. Сейчас укол сделаю.

АМИР. Не признаете, профессор?

ИМАНОВ. Надо готовить его ко сну. Не до шуток.

АДИЛЯ-ХАНУМ. А этого нового свистуна, который соловью подражает, не будем ждать?

ИМАНОВ. А он еще не пришел? Тот, другой, никогда не опаздывал.

АДИЛ. Идет, мама, идет.

АДИЛЯ-ХАНУМ. У меня нет слов, слух у тебя абсолютный. Иду открывать.

Адил-ханум уходит. Анаханум и Иманов проходят к больному.

МАРМАР. А я еще не слыхала нового «соловья». Каков он?

АДИЛ. Этот еще и звуку ручейка подражает.

МАРМАР. Как?

АДИЛ. Мама говорит, что у него есть что-то вроде шарманки.

Входят Адиля-ханум и человек, имитирующий пение соловья. Это очень серьезный и солидный на вид мужчина.

«СОЛОВЕЙ». Общий привет. Доброго всем здоровья. Ханум, молоко и сырое яйцо приготовлены?

Адиля-ханум приносит стакан молока и одно яйцо. Мужчина глотает содержимое яйца, запивает молоком.

АМИР. Нормально вошло, мастер?

«СОЛОВЕЙ». Прошу не мешать. Можно начинать? Я готов.

Анаханум и доктор Иманов возвращаются.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Так, укол сделан. Можете начинать. Укол сделали ведь, Анаханум?

АНАХАНУМ. Да. Адиля-ханум.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Доктор Иманов, а как сам, хочет спать?

ИМАНОВ. Хочет.

АМИР. Спешу, мастер, твори.

«СОЛОВЕЙ». Прошу не торопить меня.

«Соловей» настраивает аппаратуру у дверей комнаты больного. Все остальные смотрят на него. Анаханум подходит к Адилю.

АНАХАНУМ. Адил, тебе все холодно?

АДИЛ. Очень, Анаханум, скажи честно, ведь снег идет во дворе? Все меня обманывают, ты хоть не обманывай.

АНАХАНУМ. Мама принесла тебе пальто?

АДИЛ. Нет, врет, что пронатафталенила.

АНАХАНУМ. Ничего, я тебе завтра принесу шубу. В твою комнату. Ночью. Надену на себя и принесу, хочешь?

АДИЛ. Я не понял, Анаханум.

АНАХАНУМ. Завтра поймешь.

Анаханум склоняется, целует Адиля, возвращается на свое место.

«СОЛОВЕЙ». Готово. Прошу выключить верхний свет.

АМИР. Будет сделано, мастер.

Амир выключает свет. В комнате наступает полумрак. Анаханум открывает дверь больного. Мужчина начинает крутить ручку аппарата. Раздаются звуки, бегущего по горным кручам ручейка. «Соловей» начинает петь. Но в это время звонит колокольчик. Анаханум входит и быстро возвращается.

АНАХАНУМ («Соловью»). Извините, он просит чуть смягчить звуки ручейка, чтобы издалека вроде...

«Соловей». Есть. Готово.

«Соловей» поет, слышны звуки ручейка. Все некоторое время слушают его, затем осторожно покидают комнату.

Занавес.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Та же комната, Адиля-ханум сидит в кресле. Входит доктор Иманов. В руке у него сверток.

ИМАНОВ. Доброе утро, Адиля-ханум.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Вот не ожидала, профессор, первым здороваешься.

ИМАНОВ. Что делать, вынужден, дело к вам. Надеюсь в вашем холодильнике найдется местечко.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Зачем тебе?

ИМАНОВ. Да вот утку купил, венгерскую. Это просто объединение. Несколько лет не завозили их в Баку. Не знаю ничего вкуснее утки. Наши почему-то не едят. Однажды, в командировке я спросил об этом одного крестьянина, говорит, мы выращиваем уток ради перьев, а мясо скармливаем собакам, дух неприятный от него. Вот тут бы мне и полаять по-собачьи, утка того стоит.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Доктор, ты и правда смог бы залаять?

ИМАНОВ. А что, надо?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Успокойся. Просто вспомнила, как он недавно говорил, что тоскует по далекому лаю собак... Сладко засыпать...

ИМАНОВ. А что, соловьи ему уже надоели?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Да ты не бойся, я пошутила. Впрочем, если понадобится, найдем специалиста лаять. Отнеси, доктор, свою венгерскую утку и положи в правый холодильник. Кажется, там есть свободное место.

ИМАНОВ. А соседи не обидятся?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Какие соседи?

ИМАНОВ. Цыплята, осетры, куропатки, икорка...

АДИЛЯ-ХАНУМ. Это, смотря, как воспитана твоя утка.

ИМАНОВ. Кстати, о «воспитании». Ибрагим-муаллим, оказывается вернулся из Индии. Встретил его шофера. Когда я покупал эту невоспитанную утку. Шофер вспомнил несчастного Мамедагу... Все-таки кому-то из вас надо было сходить на похороны.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Бахадур и тетя Таджмахал были. В один из четвергов... Этого мало разве?

ИМАНОВ. Вам виднее...

Доктор Иманов идет в кухню. Анаханум выходит из комнаты больного.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ну, что?

АНАХАНУМ. Как следует помассировала правую ногу. Натерла до красноты. Значит, кровообращение нормальное. Кто-то пришел?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Доктор Иманов. С уткой?

АНАХАНУМ. С какой уткой?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Оказывается, он большой любитель уток. Купил по случаю одну. Понес в холодильник.

АНАХАНУМ. Уж очень заботится он о своем здоровье.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Какой толк от его здоровья? Здоров, а что хорошего сделал, кому помог? Этот же лежит лежа, а сколько за это время поддержал, сколько вырубил?

АНАХАНУМ. Нашли кого с кем сравнивать...

Доктор Иманов возвращается.

ИМАНОВ. Четыре цыпленка, три роскошные рыбы, пара куропаток, икра-микра, черт его знает, чего там нет. Кроме пучка зелени! Где зелень, ханум?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Есть, есть, на балконе.

Колокольчик звенит.

АНАХАНУМ. Пойдемте, доктор.

ИМАНОВ. Массаж сделала?

АНАХАНУМ. Только что. Пульс прощупывается. Наверно, не в том дело.

ИМАНОВ. *(Тихо.)* Эндартериит это, самый настоящий. *(Громко.)* Ну, ладно, идем.

Иманов и Анаханум идут к больному. Входит Адил. На нем женская шуба.

АДИЛ. Кто здесь из добрых молодцев и прекрасных дев наших?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Я одна, сынок. Перестань обезьянничать. Не к лицу тебе.

АДИЛ. Обезьяньи выходки к лицу только обезьянам, мама. Медвежьи шалости – медведям. Волчьи – волкам, лисьи – лисам. А вот мы хотим быть и теми, и другими, и третьими.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Отнеси шубу на место.

АДИЛ. Она на своем истинном месте, Адил-ханум. Наша добрая Мармар-ханум подарила ее Анаханум. А она укрыла меня сегодня ночью. Прекрасная вещь, мама. Шубу имею в виду.

Адил-ханум встает, срывает с него шубу.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Совесть имей, доктор Иманов здесь, неудобно увидит. Люди не такие наивные, как ты думаешь! Отдай, я ее унесу.

АДИЛ. Куда?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Не бойся, положу на место.

АДИЛ. А жаль, мама, я немного согрелся. Принеси куртку, я ее не нашел.

Адил-ханум уносит шубу. Адил медленно подходит к портрету на стене. Проверяет палкой, висит ли он на прежнем месте.

АДИЛ. Вот это да! И как он крепко держится! Не похоже, что может сорваться. Только если грохнется стена. Будто не картина вовсе, а окно, открытое настежь в зимнюю стужу. Ой, мама...

АДИЛЯ-ХАНУМ *(Приносит куртку, набрасывает на плечи Адил.)* Что, сынок, что ты стал здесь?

АДИЛ. Думаю. Вот если б была у нас дача...

АДИЛЯ-ХАНУМ.. Так есть же у нас! Просто не можем сейчас переехать туда, отцу нужен постоянный врачебный уход.

АДИЛ. Я не о такой даче говорю, мама. Вот если бы у нас была своя дача в Африке. Очень жаль...

АДИЛЯ-ХАНУМ. Прекрасная мысль, сынок, а чего жалеть-то?

АДИЛ. Эх, мама, на нашей даче папа держал марала, если же иметь дачу в Африке, наверное, завели бы слона. И тогда на дверях в его комнату висела бы голова слона с длинным хоботом, как испорченный маятник гигантских часов...

АДИЛЯ-ХАНУМ. Допустим, что дальше?
АДИЛ. А то, что в один прекрасный день наш туземный родственник Нифтали появился бы здесь, в чем мать родила, с копьём в руках, и спросил бы тебя: Улулу-лу-лу ямабалу?

АДИЛЯ-ХАНУМ. А что это значит?

АДИЛ. «Тетенька, а сам-то слон цел?»

Входят Анаханум и доктор.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ну что, доктор, как у него пульс?

ИМАНОВ. Пульс-то ничего, неплохой сегодня, но мне не очень нравится его дыхание. Тяжело дышит. Адиля-ханум, может, тайком сигаретку ему подбросили или чего еще?

АДИЛЯ-ХАНУМ. О чем ты? В этом доме такое никто себе не позволит.

АНАХАНУМ. Про хлеб спрашивал.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Странно, Нифтали давно должен был приехать. Хоть бы с Фригом чего не случилось. Особенно после несчастья с Мамедагой...

ИМАНОВ. Что это за история с моллой, Адиля-ханум. Я ничего не понял.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Обыкновенная блажь, каприз больного. После вчерашнего приступа сказал мне: «Послушай, Адиля, дед мой был верующий, отец тоже, почему я не должен верить?»

ИМАНОВ. В Бога?

АДИЛЯ-ХАНУМ. В кого же? Наотрез отказался положить под подушку молитву, что принесла из мечети Таджмахал. Говорит, я не могу довериться тому, кто допустил две ошибки в одном слове. Просил привести моллу к нему, сам хочет растолковать ему все.

ИМАНОВ. Стоит прищемить, прошу прощения, наш хвост, тут же вспоминаем Бога.

Звонок в дверь.

АНАХАНУМ. Ой, кажется, мы сглазили слух Адиля. Как это ты пропустил посетителя?

Адиля-ханум выходит и возвращается с 'Таджмахал и моллой Махмудом.

ТАДЖМАХАЛ. Люди, привела! Наконец-то и в этот дом ступила нога моллы!

МОЛЛА. Здравствуйте.

ИМАНОВ. Здравствуйте, почтенный.

МОЛЛА. Ну уж почтенный... Я, небось, младше вас.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Молла...

МОЛЛА. Молла Махмуд, хозяйюшка.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Молла Махмуд, это наш врач, доктор Иманов, девушка эта – медсестра, эта женщина – наша соседка.

АДИЛ *(Показывает на себя.)* А это наш сын.

МОЛЛА. Да пожалеет тебя Бог, да раскроются глаза твои! А где тот, кто позвал меня?

ТАДЖМАХАЛ. Он там, молла Махмуд, в той комнате. Лежит в постели. Адиля, я пойду, скоро внуки вернутся из школы. Потом рассчитаемся.

Таджмахал уходит.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Пройдите, молла Махмуд, Анаханум, доченька, проводи.

АНАХАНУМ. Прошу вас, молла.

Молла Махмуд проходит к больному.

АДИЛ. А молла-то, видать, свой парень.

АНАХАНУМ. И одет прилично. Чистенько, аккуратно. И глаза спокойные, без лукавства.

ИМАНОВ. Похож на человека, систематически употребляющего зелень.

Звонок в дверь.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Послушай, Адил, что с тобой сегодня, в самом деле? Не предупреждаешь нас, что кто-то идет!

АДИЛ. Не знаю, мама. *(Адила-ханум выходит.)* Доктор Иманов, скажите, пожалуйста, может быть аллергия от шубы?

ИМАНОВ. Какая шуба, что за шуба?

АДИЛ. Женская шуба, цигейковая.

ИМАНОВ. Почему бы и нет? Мех ведь, а мех имеет свойство собирать пыль.

АДИЛ. Надеваешь и пыль облаком?

Входят Адия-ханум и Нифтали.

НИФТАЛИ. День добрый!

АДИЛ. Привет, двоюродный! Как Фриг?

НИФТАЛИ. Неважно. С собой я его привез, определил в пятаю больницу. Потому и опоздал. *(Открывает сумку.)* Возьми, тетенька, вот хлебец, а вот и кизиловая водка.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ничего другого не нашел для больного дяди?

НИФТАЛИ. Сведет всю хворь начисто кизиловая водка, клянусь головой Адиля, мигом встанет на ноги!

ИМАНОВ. А ну-ка, дай мне эту бутылку, скоро будем праздновать День артиллериста, вот я выпью за твоё здоровье и пальну из ракетницы.

НИФТАЛИ. Ох, дохтур, клянусь, напыюсь как-нибудь, порешу тебя. Я такой, как глотну проклятой, так бегаю по селу, ищу, кому бы съездить в ухо.

АДИЛ. Почему ты собираешься убить доктора, двоюродный?

НИФТАЛИ. А ты знаешь, что прописал мне этот бессовестный осмотрев ногу?

АДИЛ. Что?

НИФТАЛИ. Хозяйственное мыло!

ИМАНОВ. Адия-ханум, прошу, спрячьте бутылку, я боюсь его.

НИФТАЛИ. Замолчи, безбожник... Анаханум, есть кто у дяди?

АНАХАНУМ. Есть.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Зачем тебе дядя?

НИФТАЛИ. Поручил бы Фрига кому-нибудь из хороших профессоров. Уж очень сильно кашляет братец мой, очень.

ИМАНОВ. Послушай, я знаю всех врачей в той больнице. Сейчас позвоню.

НИФТАЛИ. Нет, нет, не ты! Отцепись!

Появляется молла Махмуд.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Пройди к дяде, Нифтали.

Нифтали удивленно разглядывает моллу и проходит в комнату больного.

АНАХАНУМ. Садитесь, молла.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Садитесь, молла Махмуд, сейчас чай подам.

МОЛЛА. Не трудитесь, хозяйка, мне пора, надо поспеть к полуденному намазу.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Поговорили?

МОЛЛА. Немного.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Как это – немного? Столько сидели там...

МОЛЛА. Не успел я зайти, как ваш муж привстал: давай поиграем в нарды, в жизни, говорит, не обыгрывал моллу.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ну и что?

МОЛЛА. Да ничего. Я проиграл пятнадцать рублей.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Но поговорить-то вы и за игрой могли?

МОЛЛА. Да мы и поговорили. Но какой толк?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Как это какой толк? Ведь сам просил позвать моллу, хотел, чтобы вы написали молитву для него.

МОЛЛА. Нет, хозяйка, он не молитву хотел сочинить Богу, а нечто другое.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Что же?

МОЛЛА. Требование.

ИМАНОВ. Какое еще требование?

МОЛЛА. А какие бывают требования? Он просил составить от его лица требование на имя Бога. Хотел, чтобы Господь Бог, как эта сестрица, дежурил за его дверью, прислушиваясь к звонку колокольчика. Но Бог на это не пойдет, хозяйка, не пойдет.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Послушайте, молла, вы находитесь в приличном доме, сами вроде верующий, поэтому очень прошу вас не нести

всякую чепуху. Вот вам за услуги (*протягивает конверт*), а вот стул, садитесь и напишите молитву, о которой он просил.

МОЛЛА. В этом конверте деньги, хозяйка?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Сто рублей, мало? Если надо, добавлю еще сто, двести...

МОЛЛА. Он хочет взять Бога на службу. Это что, месячная зарплата Всевышнему?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ну, хорошо, вынесу тысячу рублей! Их не опасайся, свои люди.

МОЛЛА. Хозяйка, но Бог не берет взятки.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ну, знаете, мне больше нечего сказать. Не желаете писать, не надо.

МОЛЛА. Вы хотели что-то еще сказать мне?

АДИЛ. Молла Махмуд, когда вы шли сюда, на улице было холодно?

МОЛЛА. Кому холодно, братец, кому жарко. Один спален солнцем, на другого снег хлопьями падает. Лишь бы все были здоровы, спокойствие вокруг было. Остальное поправимо. И тебе, дай Бог, выздоровления. Ну, я пошел. Известите, если понадобится.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Вряд ли еще нужда будет.

МОЛЛА. Это только Богу известно, хозяйка.

Молла Махмуд уходит.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Только Таджмахал могла выбрать во всем Баку самодовольного моллу.

АДИЛ. А мне молла понравился. По голосу, по словам чувствуется, что он человек достойный и знающий.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Как же «знающий»! Пусть только Таджмахал заикнется, я ей все выскажу!

Нифтали выходит из комнаты больного, становится на колени и начинает целовать дверь.

ИМАНОВ. Что случилось, парень?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Встань, дядя услышит.

НИФТАЛИ. Да умру я за него, да буду я жертвой дяди! Да сразит меня его хворь. Аз, ну человек, ну широкая душа! (*вынимает из кармана бумажник.*) В таком состоянии написал записки трем профессорам, поручил им брата Фрига. Живи вечно, дядя! (*Встает.*) Встань, дядя, мы согласны лечь вместо тебя! Вот они, смотрите, тетенька, и ты, дохтур, и ты, Анаханум, и ты... да перейдут ко мне твои боли, двоюродный!

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ладно, успокойся, сынок.

НИФТАЛИ. Тетушка, дело у меня к тебе!

АДИЛЯ-ХАНУМ. Говори, мне ничего для тебя не жалко, после таких слов твоих!

НИФТАЛИ. Тетенька, дай мне соленый огурец и стакан. Я должен проглотить за здоровье дяди, не то сердце разорвется. Умереть мне за тебя, тетенька.

АДИЛЯ-ХАНУМ. За здоровье дяди – дело святое, пей! А чего тебе принести, какого? У нас хоть и нет пьющих, но напитки разные имеются.

АДИЛ. Коньяк, вермут, бренди, чинзано, виски, джин, бенедиктин, и так далее, и тому подобное!

НИФТАЛИ. К черту! Вот это! Кизиловая, национальная, народная водка!

АНАХАНУМ. А может, чистый спирт?

Адиля-ханум приносит бутылку, стакан и закуску.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Заказ твой исполнен, сынок! Я вижу, ты очень любишь дядю! Дай я тебя поцелую.

НИФТАЛИ. Живи вечно, тетенька (*Наливает водку.*)

АДИЛЯ-ХАНУМ. Сынок, ты не часто пьешь?

НИФТАЛИ. Я никогда не пью, тетенька, я глотаю.

АДИЛ. Может, и мне тяпнуть рюмку, мама?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Сиди уж, только этого тебе не хватает.

НИФТАЛИ. Не переживай, двоюродный, я проглочу и за тебя (*Поднимает стакан.*). Тетенька, дай Бог здоровья дяде, смерть врагам его, если они есть! Пусть Всевышний отнимет мои годы и прибавит ему.

Нифтали пьет.

АДИЛЯ-ХАНУМ. На здоровье, сынок. Растрогал ты меня. Да не лишит вас Бог доброй родни.

НИФТАЛИ. Двоюродный, дай поцелую тебя. Дядю ведь заменяешь здесь.

АДИЛ. Давай, давай, хоть запах кизиловки почувствую. Не дали тяпнуть с тобой.

НИФТАЛИ. Тяпнем! Непременно! Откроются глаза твои, увидишь все вокруг, тогда и сядем с тобой лицом к лицу, тяпнем родной кизиловки! Молочного барана зажарим, чуреки испечем на углях!

Часто звенит колокольчик, все вскакивают.

АДИЛ. Мама, у папы приступ.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Анаханум, кислород! Быстрее, остолбенела, что ли!

ИМАНОВ. Не беспокойтесь, ничего не случится! Возьми шприц, Анаханум, а я это!

Адия-ханум, врач, Анаханум берут кислородную подушку, медикаменты и бегут к больному.

НИФТАЛИ. Да умрут за тебя мои родители, что это? Господи, уведи беду!

АДИЛ. Не бойся, пройдет. Почти каждый день бывают приступы. Дают кислород, делают укол в вену, есть ампула особая, проходит.

НИФТАЛИ *(Наливает себе водки.)* Глотну еще одну. Пусть будет четное число. Будь здоров, дядя!

АДИЛ. А, может, и мне нальешь?

НИФТАЛИ. Отстань, слышал, что сказала мамаша? *(Пьет.)* А чего ты не пошел туда?

АДИЛ. Я в таких случаях могу помешать. И знаешь, двоюродный, боюсь я, боюсь, там английские ботинки...

Звонок в дверь.

НИФТАЛИ. В дверь звонят.

АДИЛ. Да, кто-то пришел. Открой, Нифтали, сможешь?

НИФТАЛИ. Почему нет? Не из деревни же приехал!

АДИЛ. А откуда же ты приехал?

НИФТАЛИ. Не придирайся, это водка ударила в голову.

Нифтали идет открывать дверь. Адил стоит у входа в комнату больного, палкой определяет, на месте ли голова марала.

АДИЛ. Как живешь, братец, как успехи, земляк? Вот какие происходят в мире дела. Постою, друг, сейчас... *(Подвигает стул, становится ногами на него, достает платок из кармана, завязывает им глаза марала. Сходит со стула.)* Вот так-то хорошо будет, браток, так...

Входят Ибрагим и Нифтали.

ИБРАГИМ. Здравствуй, Адил, сынок. Должен отметить, что ты выглядишь значительно лучше, чем в нашу последнюю встречу.

АДИЛ. Добрый день, дядя Ибрагим.

ИБРАГИМ. А где народ, сынок?

НИФТАЛИ. Припадок у дяди, там они все.

ИБРАГИМ. Ну что ж, бывают у больного и приступы, и боли. Все это вполне закономерно и является, так сказать, естественным проявлением всякой болезни. Именно через них болезнь заявляет о себе, чтобы врачу была ясна картина, и он мог бы определить, как и каким образом необходимо лечить больного. *(К Нифтали.)* Сынок, я тебя не узнаю, но ты так легко меня узнал!

НИФТАЛИ. Видел ваши портреты в газете, и по телевизору смотрел.

АДИЛ. Это наш родственник, приехал из района, из нашего села.

ИБРАГИМ. Хорошо, молодец. Родство, если взглянуть объективно, очень полезная вещь,

Нифтали подает кресло.

фактор, соединяющий людей друг с другом. Конечно, я имею в виду настоящее родство. Настоящее кровное родство, дети, это одно, а кумовство совсем другое. Кумовство нередко рядится в безобразную, вызывающую отвращение одежду. Оно разрушает моральные устои, я бы даже сказал, идеологические нормы, а с другой стороны, искажает национальное своеобразие. О кумовстве мы не устаем говорить, о нем постоянно пишем, но, к сожалению, добиться полного успеха по его искоренению еще не смогли. И мы должны признаться в этом, хотя и достижения наши на этом фронте не малые. *(К Нифтали.)* Как там у вас погода, сынок?

НИФТАЛИ. Что?

ИБРАГИМ. Я спрашиваю о погоде! В нынешнем году, мне кажется, климатические условия были не плохие, соответствовали требованиям, не так ли? Я не ошибаюсь, сынок?

НИФТАЛИ. Климат как климат, Ибрагим-муаллим, возьму я беды твои. То дождь, то ведро. Дают разве человеку есть то, что дал Бог?

ИБРАГИМ *(Смеется.)* Адил, сынок, обрати внимание, какой у них образный, естественный, входящий в определенную языковую группу, говор. Чем больше слушаешь, тем больше хочется слушать. Странно, что и он до сих пор сохранил своеобразие говора. Сынок, как тебя звать?

НИФТАЛИ. Нифтали.

ИБРАГИМ. Очень своеобразное и задушевное имя. Нифтали, будь добр, дай мне то кресло, я хочу здесь сесть. Вообще, я привык сидеть на хорошо освещенном месте. Хотя нашим с ним идейным противникам это и не нравится.

НИФТАЛИ. Кому, Ибрагим-муаллим, неужто и у дяди есть враги?

ИБРАГИМ. Сынок, было бы не точно называть их врагами. Это был бы неправильный вывод. Но в каком-то смысле были столкновения. Борьба мнений и убеждений. Да и сейчас они есть. Только вы называете их враждой. А это не так. Поставь это кресло сюда, сынок.

НИФТАЛИ. Прошу, Ибрагим-муаллим, садись.

ИБРАГИМ. Спасибо, сынок, и, пожалуйста, стань так, чтобы я мог видеть твое лицо. Вы, молодые, почему-то не так любите свет, как мы.

Адил роняет палку.

Адил, сынок, ты уронил палку. Подымеешь сам?

АДИЛ. Да, да, сейчас. *(Ищет и находит палку.)*

ИБРАГИМ. Молодец, ты мне понравился. Вообще, старайтесь во всем всегда быть самостоятельными. И в работе, и в семейной жизни, и в отношении общественного мнения. Конечно, с учетом прогрессивного опыта, накопленного нами. Нифтали, сынок как хозяйственные дела? Обязательства, план?

НИФТАЛИ. Откуда мне знать, Ибрагим-муаллим, я же не секретарь райкома. Мое дело маленькое.

ИБРАГИМ. Нельзя, сынок, так не годится. Ты должен глубоко интересоваться всеми экономическими, культурными достижениями своего района. Женат, сколько детей у тебя?

НИФТАЛИ. Четверо парнишек у нас, да умрут они за вас.

ИБРАГИМ. Это очень хорошо, прекрасно.

*Адиля-ханум, доктор Иманов, Анаханум
выходят от больного.*

АДИЛЯ-ХАНУМ. Слава Богу. Добро пожаловать, Ибрагим-муаллим, мы всегда рады вам.

ИБРАГИМ. И я очень рад встрече с вами, Адиля-ханум. Как наш герой? Кажется, заставил вас поволноваться слегка. А я нарочно завел разговор с этими молодыми людьми, чтобы они не волновались. Все прислушивались, что там происходит. Как он сейчас?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Пришел в себя. Дали кислород. Анаханум сделала укол. Иманов обработал область сердца, я массировала ноги.

ИБРАГИМ. Очень хорошо, ладненько, как ты, Анаханум?

АНАХАНУМ. Спасибо, дядя Ибрагим, все хорошо.

ИБРАГИМ. Меня очень трогает, когда она называет меня дядей. Ведь у меня не было сестер... В каком-то смысле внутренне я испытывал тоску по сестре. Но я не сказал бы, чтобы эта тоска привела меня к пессимизму, или ослабила мою волю к борьбе, абсолютно нет. Доктор, как ты поживаешь? В Индии, можно сказать, я ежедневно вспоминал о тебе. Я и не думал, что там так много полезной зелени.

ИМАНОВ. Я говорю о нашей зелени...

ИБРАГИМ. Нифтали, сынок, потрудись, подай мне тот сверток.

*Нифтали слегка раскачиваясь приносит
сверток.*

НИФТАЛИ. Прошу, Ибрагим-муаллим.

ИБРАГИМ. Сынок, почему ты так ходишь? Не болен ли?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Нет, просто он немного выпил за здоровье дяди. Я разрешила.

ИБРАГИМ. И мы с ним в молодости иногда пользовались. В меру, конечно... Адиля-ханум, тут небольшие подарки, сами распределите. Это вот женские браслеты. Очень хороши на смуглой коже. Можете и Анаханум дать один, даже два браслета. Доктор!

ИМАНОВ. Да, Ибрагим-муаллим?

ИБРАГИМ. Было бы очень сложно для меня привезти тебе зелень из Индии, поэтому бери эту ручку, будешь выписывать рецепты большим.

НИФТАЛИ. Напишет, чтобы провалиться ему, рецепт на мыло.

ИМАНОВ. Замолчи! Большое спасибо, Ибрагим-муаллим.

ИБРАГИМ. Адил, сынок, а это тебе.

АДИЛ. Что это, дядя Ибрагим?

ИБРАГИМ. Очки, сынок. Знаешь, любопытные стекла у этих очков. Хамелеон называются. В зависимости от силы света меняют окраску. При ярком свете темнеют, в темноте светлеют.

АДИЛ. Большое спасибо, дядя Ибрагим, положите на стол, я потом возьму.

Адил роняет палку.

ИБРАГИМ. Адил, сынок. Ты уронил палку. Подымешь сам?

АНАХАНУМ. Сейчас, я помогу...

АДИЛ. Нет, нет, я сам. *(Находит палку, берет.)*

ИБРАГИМ. Молодец, сынок, старайся всегда, постоянно быть самостоятельным. И в работе, и в семье. Вообще, жизнь любит самостоятельных людей. Конечно, самостоятельных в рамках закона. Настоящая самостоятельность – это умение подчиняться.

ИМАНОВ. Золотые слова...

Адиля-ханум протягивает очки Адилу.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Возьми сынок, дядя Ибрагим может обидеться. Дай мне свои.

АДИЛ. Потом, мама, не надо сейчас.

ИБРАГИМ. Вот так-то, Адиля-ханум, пойдуча я, повиданюсь с другом моим, с героем нашим. Есть у меня подарок и для него. Индийские танцовщицы. Очень интересные фотокарточки.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ох, и озорник вы, Ибрагим.

ИМАНОВ. А мне нельзя взглянуть?

ИБРАГИМ. Найдет нужным, покажет всем. *(Останавливается перед дверью.)* Странно, Адиля-ханум, кто завязал глаза марала? Что это значит?

Адиля-ханум смотрит на Нифтали.

НИФТАЛИ. Не знаю, тетенька, первый раз вижу.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Адиля работа. Понимаете, он весь в отца, шутки, розыгрыши...

ИБРАГИМ. Я должен сказать, что, если это и шутка, то можно считать ее тонкой шуткой, несколько выходящей за пределы дозволенного. Ибо подобные шутки, как правило, имеют в виду конкретный адресат. В противном случае, каждый может перетолковать их по-своему. Адиля-ханум, я бы посоветовал вам убрать отсюда этот портрет. Но не выбрасывайте. Поставьте куда-нибудь. Так, пройду я к нашему герою.

Ибрагим-муаллим проходит к больному.

НИФТАЛИ. Тетенька!

АДИЛЯ-ХАНУМ. Что тебе, сынок?

НИФТАЛИ. Ну и осел же этот Ибрагим-киши! А?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Как ты смеешь! Он тебе в отца годится!

НИФТАЛИ. Мой отец тоже был изрядным ослом.

ИМАНОВ. Сынок, нельзя при посторонних говорить о своем отце «осел».

АНАХАНУМ. Нифтали, за что ты ругаешь дядю Ибрагима?

НИФТАЛИ. Как за что? разве нормальный человек привезет из Индии слепому сыну своего друга, очки? Ты скажи, разве станут подковывать дохлого коня?

Адиля-ханум делает знаки, чтобы он перестал говорить.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Лично я ничего плохого в этом не вижу. Прекрасная вещь. Модная. К тому же, все знают, и дядя Ибрагим в том числе, что нынешнее состояние его племянника

временное явление. Совсем недолго теперь ждать. Как только отец встанет на ноги, свезем Адила в Москву. И потому, Нифтали, вместо того, чтобы критиковать других, возьми лучше стул, подымись и сними повязку с глаз марала.

АНАХАНУМ. Может я, Адила-ханум? Нифтали не совсем в форме после кизиловки...

АДИЛ. Постой, Анаханум, подожди! Я завязал, я и развяжу.

Идет к двери.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Упадешь, сынок! Доктор Иманов. Помогите ему, держи за ноги. Анаханум, стань рядом.

АДИЛ. Не бойся, мама, мы не из тех, кто падает.

Адил становится на стул, снимает платок. Надевает на глаза марала очки «хамелеон», сходит со стула.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Адил, что ты снова навосторил?

АДИЛ. Прошу мама, умоляю, пусть будет так.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Чего же просить-умолять, пусть будет...

ИМАНОВ. Позвольте откланяться. Вечером приеду.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Иди, доктор, только не опаздывай.

Доктор Иманов уходит. Нифтали наливает себе водку.

АНАХАНУМ. Не много ли будет, Нифтали?

НИФТАЛИ. Молчи, молчи! Хочу выпить за двоюродного.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Хватит, сынок.

НИФТАЛИ. Это последняя. Глотну и уйду. К братцу Фригу. *(Вынимает из кармана бумажки, бросает на стол.)* Мне же надо их найти, этих профессоров... Будь здоров, двоюродный! Ой, как ты мне нравишься! Ведешь себя иногда совсем не как городской. Коня тебе приведу. Чтобы глаза были, как у орла. Посади на круп бакинских красоток, катая по городу! Пусть все видят, что ты наш парень. *(Пьет.)* Ае, как здорово пошла, проклятая...

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ну, довольно, хватит. Пойдем на кухню, посмотрим, что можно взять Фригу на обед. А вечером обязательно приходи! Переночуешь у нас, или сходишь к Бахадуру.

НИФТАЛИ. Это тот, что на сороку похож?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Напрасно ты, Бахадур верный человек, друг и и правая рука Амира.

НИФТАЛИ. Друг – это хорошо. Послушай, тетенька, что это говорил недавно здесь Ибрагим-муаллим, будто у дяди есть враги, приказывают, будь в стороне, а сами занимают места где посветлее... Кто они, а?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Эх, сынок, а что ж ты думал, на свете живут только те, кто любит твоего дядю? Идем, идем Фриг будет волноваться.

НИФТАЛИ. Кто, кто они, враги моего дяди?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Разве всех назовешь. Да хотя бы тот, кто сейчас на его месте.

НИФТАЛИ. Ну сукин сын! Такого свалить и ногами...

АДИЛЯ-ХАНУМ. Не говори глупостей! Идем лучше, посмотрим что можно отнести Фригу.

НИФТАЛИ. Тетенька, позволь глотну еще порюмку... Здоровьем дяди прошу!

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ну разве можно так? Пей, если хочется! А я пойду, приготовлю бедняжке что-нибудь.

Адия-ханум уходит. Нифтали пьет.

АНАХАНУМ. Пошла, Нифтали?

АДИЛ. Не слышала? Гуль-гуль-гуль... Так ладненько опустилась вниз. Молодчик, двоюродный...

НИФТАЛИ. Ае, Адил, а тот, который сел вместо дяди, он хоть знает, что дянька лежмя лежит вот уже столько времени? А?

АДИЛ. Откуда мне знать?

АДИЛЯ-ХАНУМ (*Из-за сцены.*) Нифтали, сынок, давай разберемся, что отнесешь в больницу!

НИФТАЛИ. Иду, иду!

Нифтали уходит.

АНАХАНУМ. Я и не знала, что Нифтали выпивоха. Целую бутылку кизиловки выпил.

АДИЛ. Там ничего не осталось, Анаханум?

АНАХАНУМ. Да я бы все равно тебе не позволила. Мама права, в твоём положении вода тебе решительно противопоказана.

АДИЛ. В «твоем положении»! До каких пор мы стыдливо не будем называть слепого – слепым, глухого – глухим, горбатого – горбатым? Думаешь, такая забота не унижает?

АНАХАНУМ. Не знаю, может ты и прав...

АДИЛ. Тебе нравятся очки, которые подарил мне дядя Ибрагим?

АНАХАНУМ. Очень. И так они идут маралу... Снять их тебе, Адил?

АДИЛ. Не надо. Как эти стекла называются?

АНАХАНУМ. Хамелеон. Я о них слышала, но никогда раньше не видела. На свету темнеют, в темноте становятся прозрачными.

АДИЛ. Они хороши зрячему. А мне и старые сойдут.

АНАХАНУМ. Адил, а вдруг ты внезапно начнешь видеть, помотришь на меня и обнаружишь, что я совсем не такая, как ты представлял, что тогда?

АДИЛ. Я тут же ослепну.

Входит Адия-ханум.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ну и упрямый парень, этот Нифтали! Что ни положи ему, тут же выкладывает обратно. Но я все равно набила полную сумку. (Видит бумажки на столе.) Вот раззява!

АДИЛ. Что случилось, мама?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Оставил здесь папины записки к профессорам.

АДИЛ. Ничего, завтра отнесет.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Все глотну да тяпну! Натяпался! Подожди, дай-ка взглянуть... Адил, пожалуйста, включи верхний свет, кнопка рядом с тобой.

Адил включает.

АДИЛ. Светло?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Да, спасибо. (*Читает бумажки.*) Ну, конечно, это они и есть. Фригу придется потерпеть.

АНАХАНУМ. А вы не очень-то волнуйтесь за этих братцев, Адила-ханум, они не пропадут. Такие в больнице с любым врачом договорятся.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Да, но это разные вещи. Одно дело – его просьба, а другое – их уговорили... Не вызывал?

АНАХАНУМ. Нет.

АДИЛ. Увлечлись разговорами, видать. Мама, сколько лет ты слышишь их беседы?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Пожалуй, не менее, сорока лет. А что?

АДИЛ. Да так, интересно, за эти сорок лет хоть сорок фраз искренних они сказали друг другу?

АДИЛЯ-ХАНУМ. А ты знаешь, сынок, сколько лет давали за искреннюю фразу? То-то же, сиди и помалкивай. Ты ведь не помнишь, сколько людей пострадало от своей доверчивости. Слышал, что сказал дядя Ибрагим про повязку на глазах марала?

АДИЛ. Не понял, к чему он?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Он сам не знает к чему. Но знает, что такого у нас не случилось. Впервые это. Следовательно, это можно как-то истолковать. Вот что отлично знает дядя Ибрагим. И если бы он в свое время не усвоил эту науку, то вряд ли имел бы сейчас то, что имеет.

Трижды звонит колокольчик.

Адил смеется.

АНАХАНУМ. Ой, как мне быть? Там Ибрагим-муаллим, а он белое ведро требует.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Совсем стыда-совести лишился.

Анаханум уходит, возвращается с белым ведром.

АДИЛ. Отнеси, Анаханум.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Неужели станет делать при Ибрагиме?

АДИЛ. Ничего страшного, сорок лет дружат.

АНАХАНУМ. Отнести, Адила-ханум? Как-то неловко перед дядей Ибрагимом.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ты медсестра, тебе нечего стыдиться. Хорошо бы зеленое ведро попросил. Ведь который уже день...

АДИЛ. Зеленое ведро стоит без дела.

Ибрагим со смехом выходит от больного.

ИБРАГИМ. Доченька, что стоишь? Мой брат, наш герой, хочет, как говорят французы, пур ля пти. Проходи, доченька, больному нельзя откладывать это. Впрочем, и здоровому тоже.

Анаханум входит. Ибрагим садится в кресло.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ну, как? Наговорились?

АДИЛ. От чистого сердца!

ИБРАГИМ. Какая беседа, какое сердце? В ходе нашего разговора у меня появилась проблема. Можно сказать, я попал в безвыходное положение.

АДИЛ. Что случилось, дядя Ибрагим?

ИБРАГИМ. А вот что, сынок. Да и ты послушай, Адила-ханум. Примерно, двадцать лет тому назад он, я и покойный ныне Ислам пошли в ресторан «Новая Европа». Сейчас он называется иначе... Если не ошибаюсь... Адил,

сын, как называли бывший ресторан «Новая Европа»?

АДИЛ. Дядя Ибрагим, откуда мне, слепому, знать о ресторанах?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Адил!

ИБРАГИМ. Нельзя обижаться на старших, сынок, если даже старшие ошибаются. Я задал вопрос в общем контексте, в символическом смысле. Я прекрасно знаю, что ты не из той молодежи, которая увлекается ресторанами. Чей ты сын? Отец всеми уважаемый человек, мать – самоотверженная женщина. Ты получил прекрасное воспитание. Я помню, например, что в четвертом классе ты читал «Что делать?» Чернышевского на русском языке. Адиляханум. Я не ошибаюсь?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Да, он в детстве любил читать, Сейчас... так что с рестораном-то?

ИБРАГИМ. Я сам собирался вернуться к этой теме. Так вот, сидим мы в том ресторане втроем и ужинаем. А пригласил нас покойный Ислам. Кажется, он получил гонорар за книгу «Свободный Восток». Короче, не стану вас утомлять, все дело в том, что в ресторанном оркестре некий очень смешной на вид человек играл на контрабасе. Вдруг отец твой, сынок, завелся, ни унять, ни остановить. Я заставлю, говорит, этого типа сыграть на контрабасе «Баяты-Шираз».

АДИЛ. «Баяты-Шираз» на контрабасе?

ИБРАГИМ. И заставил!

АДИЛ. Как?

ИБРАГИМ. Денег дал много... Вот я и вспомнил сейчас там эту историю. Так, для смеха. Видно, напрасно. Пристал, чтобы я разыскал,

достал бы из-под земли этого контрабасиста и привел к нему. Пусть, говорит, снова для нас сыграет на контрабасе «Баяты-Шираз». Как и быть, не знаю. Заставил дать честное слово.

АДИЛ. А недурно вы проводили время, дядя Ибрагим!

АДИЛЯ-ХАНУМ. Не волнуйтесь, я сейчас соединю вас по телефону с нашим Амиром. Поручите ему. Он все сделает, как надо.

Адиляханум уходит. У Адиля из рук выпадает палка.

ИБРАГИМ. Адил, сынок, палку уронил. Подыми сам. Старайся быть самостоятельным в любом деле. В мыслях, в отношении к общественным явлениям.

АДИЛ (*Поднимает палку.*) Дядя Ибрагим, в Индии тоже холодно?

ИБРАГИМ. Какой там холод, сынок? Если у нас так жарко, представляешь, что там?

АДИЛ. И снег не идет?

ИБРАГИМ. Очень умный вопрос. Он занимал и меня. Там я спросил одного из индийских друзей. Такой передовой, прогрессивно мыслящий товарищ. Он объяснил мне, что ближе к Непалу, там местность гористая, иногда даже летом выпадает снег. Как у нас. Мне очень приятно было узнать, сынок, что ты интересуешься географией.

АДИЛ. Какая там география...

Адиляханум приносит телефон.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Вот, я уже набрала, поговорите с Амиром. Я ему объяснила в чем дело.

ИБРАГИМ. Амир? Рад слышать твой голос, герой! Очень любопытная, запоминающаяся поездка. *(Смеется.)* Конечно, красотишки там есть. Сынок, твой дядя задал мне задачу. Адила-ханум уже рассказала? Да, да! Там он играл в оркестре, на контрабасе. Имя? Помню, конечно! У меня прекрасная память... Сабзали! Помню, как сейчас. Сабзали. Знаю, знаю, знаю, что разыщешь. Спасибо, Амир, спасибо, я знал, что ты выручишь меня.

Передаёт телефон Адиле-ханум.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Амир, не задерживайся, пожалуйста, чтобы гость наш не скучал!

Адила-ханум откладывает телефон.

ИБРАГИМ. Как я могу скучать у вас? Ни в коем случае. Впрочем, надо сказать, и я не очень скучный собеседник. Есть у меня друг, композитор, так вот он находит, что в моей манере вести рассказ, есть нечто от структурного построения симфонии Малера. Однако, как говорили мудрые наши отцы, приятной беседы не бывает без доброго чая.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Я сейчас. Наверно, в Индии вам подавали отменные чаи?

ИБРАГИМ *(Задумывается.)* Да, кстати, почему они нам всюду подавали кофе? Что-то не припомню, чтобы мы пили там чай. Странно...

АДИЛЯ-ХАНУМ. Не беда, я сейчас заварю вам настоящий индийский чай.

Анаханум выходит от больного с ведром.

АНАХАНУМ. Будете смотреть, Адила-ханум?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Пройди в кухню. Я иду заваривать чай.

Адила-ханум и Анаханум выходят.

ИБРАГИМ. Да, Адил, сынок, задал мне твой отец задачу!..

АДИЛ. Дядя Ибрагим, в молодости у вас, наверное было много забавного?

ИБРАГИМ. А как же! Вы думаете, что наше поколение не умело улыбаться. Нет, нет, сынок, и мы любим шутить, посмеяться, и у нас были радости.

АДИЛ. Чему же вы радовались, дядя Ибрагим?

ИБРАГИМ. Например, нашей победе в войне.

АДИЛ. Этому мы и сейчас радуемся. Я говорю о простой, человеческой радости.

ИБРАГИМ. Наша жизнь, сынок, прошла в борьбе. И всякая победа в той жизни была радостью, всякое поражение – печалью. Конечно, печалью временной. К сожалению, сынок, не всегда наша брала верх. Хотя конечная победа и осталась за нами. Навсегда, на всю жизнь.

АДИЛ. Дядя Ибрагим, а всегда ли правда была ваша?

ИБРАГИМ. Сынок, наша правда потому и была правдой, что была наша. А ты молодец, Адил. Мне очень приятно, что несмотря на временное лишение зрения, ты используешь мое пребывание в вашем доме, чтобы слышать здоровые суждения, правильную оценку некоторых общественных явлений.

АДИЛ. Я хочу видеть, дядя Ибрагим. Значительно больше, чем слышать здоровые суждения и правильные оценки.

ИБРАГИМ. Адил, сынок, глаза даны человеку для того, чтобы видеть правду. Я уверен, что ты именно об этом и мечтаешь.

АДИЛ. Я хочу увидеть цвет вашего костюма, дядя Ибрагим. Я тоскую по грушевому дереву на закате солнца. Я хочу сидеть у дороги и разглядывать прохожих.

ИБРАГИМ. Это все естественно и даже поэтично. А что касается моего костюма, то он серого цвета. Рубашка на мне белая, галстук красный. А лицо у меня, сынок, смуглое (Смеется.).

АДИЛ. Меняет окраску?

ИБРАГИМ. Ты имеешь в виду очки, которые я тебе подарил?

АДИЛ. Да...

ИБРАГИМ. Меняет, сынок.

АДИЛ. Я подарил их.

ИБРАГИМ. Кому, сынок? Разве можно дарить чужому подаренное дядей?

АДИЛ. Он не чужой. Ваши очки я подарил маралу.

ИБРАГИМ. Так, очень странно... В каком-то мультфильме я видел марала в очках. В нашем советском мультфильме. Если кто спросит, так и отвечай.

АДИЛ. Почему? Если кто спросит, я скажу, что с маралом родные. Он мне вроде брата.

ИБРАГИМ. Твой отец также любил птиц, животных. Это у тебя отцовское, любовь к животным. Это очень положительное человеческое качество. Оно говорит о доброте и мягкосердечье. А вообще, природа приносит во внутренний мир человека гармонию. Природа и, пожалуй, еще классическая музыка. Я, напри-

мер, каждый раз, когда слушаю «Патетическую симфонию» Бетховена, хочу встать, крикнуть человечеству: «Будьте стойкими, люди, будьте счастливы!»

Входит Таджмахал.

ТАДЖМАХАЛ. Кому это ты говоришь, негодяй? Что мать родную продадут, глазом не моргнут? Неужели не надоело так сладко, так жирно врать, а?

ИБРАГИМ. Приветствую тебя, моя прекрасная Таджмахал! О, безответственная старуха, поверь, мне кажется, что только позавчера стоял я перед тобой и любовался твоей несравненной красотой!

ТАДЖМАХАЛ. Знаем, знаем, что из Индии вернулся.

Адиля-ханум и Анаханум вносят чашки и чайник.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Прошу вас, настоящий индийский чай. Сядь и ты, женщина.

ИБРАГИМ. Анаханум, доченька, а ты что стоишь в сторонке? Почему не пьешь чай вместе с нами?

АНАХАНУМ. Я выпила уже, на кухне.

ИБРАГИМ. Молодец, доченька, будь всегда такой воспитанной. Это первейшее качество наших женщин с древнейших времен.

АДИЛ. Мне холодно, Анаханум, пожалуйста, подай мне шубу.

АДИЛЯ-ХАНУМ (*Сердито.*) Я сама принесу! (*Уходит.*)

ИБРАГИМ. С чего это такой озноб у Адила? Сынок, тебе бы жить в Индии, там твое истинное место.

ТАДЖМАХАЛ. У нас у всех одно истинное место...

ИБРАГИМ. И где же оно?

ТАДЖМАХАЛ. В сырой земле. Где же еще быть?

АНАХАНУМ. Тетя Таджмахал, твой юмор раньше не был таким черным.

ТАДЖМАХАЛ. Мое дело сказать, рассмешить народ. Во всех дворцах были свои шуты. Вот и я в этом доме шутиха!

Адила-ханум приносит куртку, набрасывает на плечи Адила.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Тоже мне, шутиха, рта раскрыть при ней не смей!

ТАДЖМАХАЛ. Послушай, за моллу-то заплати. Пятнадцать рублей потратила.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Но он отказался от денег!

ТАДЖМАХАЛ. Это его дело. Я говорю о моих расходах. Пятнадцать рублей. И еще выпила два стакана крушона. Скажи, Ибрагим, сколько стоит в Индии стакан крушона? На наши деньги, только честно.

ИБРАГИМ. Они в основном пьют кока-колу.

ТАДЖМАХАЛ. Им что, все позволено там? Неужто и свинину едят?

ИБРАГИМ. Религиозные вопросы меня абсолютно не интересовали. Ибо мы, как говорится, давно прошли эту стадию.

ТАДЖМАХАЛ. Безбожьем и добываете хлеб насущный, который дал нам Господь, боком выйдет вам все это.

АДИЛ-ХАНУМ. Веди себя прилично, женщина, знай, с кем разговариваешь!

ТАДЖМАХАЛ. Я – шутиха. На шутов не сердятся. Сам шах Аббас на них не обижался, а кто такой твой Ибрагим? Пшик...

ИБРАГИМ. Все, что ни скажешь, все принимаю, моя прекрасная Таджмахал!

Колокольчик звенит. Анаханум входит и выходит из комнаты.

АНАХАНУМ. Адил, он просит тебя.

Адил не спеша проходит в комнату отца.

ИБРАГИМ. Адила-ханум, как только ему станет лучше, непременно надо отвезти Адила в Москву.

АНАХАНУМ. А разве у нас мало хороших врачей?

ИБРАГИМ. Нет, нет, Анаханум, человеческий глаз – тонкое явление, его нельзя доверять любому врачу.

АНАХАНУМ. И не такая уж сложная операция.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Занимайся своим делом, детка.

ТАДЖМАХАЛ. Послушай, Ибрагим, я хочу сделать завещание. И деньги отложила. Когда я умру, привезите мне мурдашира¹ из Москвы. Там есть татарская мечеть. Ни в коме случае не доверяйте омыть мое тело нашим местным мурдаширам, они не достойны прикоснуться ко мне. Не хочу позора в раю.

¹ *Мурдашир* – человек, омывающий покойника.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Почему решила, что непременно попадешь в рай?

ТАДЖМАХАЛ. Что ты, детка, разве Азраил² возьмет меня в ад, когда есть такие люди, как Ибрагим? Слепой он, что ли, этот сукин сын Азраил? Или нет совести у смерти?

ИБРАГИМ. Ох, как Таджмахал-ханум задает меня сегодня.

Адил выходит с английскими ботинками в руках.

АДИЛ. Папа подарил... Что делать?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Как что делать? Носи...

ТАДЖМАХАЛ. На здоровье, да ослепнут глаза твоих врагов.

АДИЛ. Нет, не надо слепнуть...

ИБРАГИМ. Зимой тепло будет в них.

АДИЛ. Почему зимой? Мне сейчас холодно. Ведь снег идет. Вот надену эти ботинки...

АДИЛЯ-ХАНУМ. Стыдно, сынок. Что за каприз?

АДИЛ. Дядя Ибрагим говорит, что человек должен быть самостоятельным...

ИБРАГИМ. Сынок, самостоятельность не в том, чтобы надевать летом зимние ботинки. Но если твое тело пронизывает холод, то не стесняйся никого, надевай их. Здесь нет чужих.

ТАДЖМАХАЛ. Одень ботинки и иди на крышу! И Анаханум возьми с собой! Ибрагим, наши законы позволяют есть мясо кошки?

Адил уходит.

ИБРАГИМ. Не знаю ни таких законов, ни вкуса кошатины.

ТАДЖМАХАЛ. Не может быть, чтобы не знал. В молодости ты был, ой, каким бойким, я слышала.

Колокольчик звенит. Анаханум заходит и выходит.

АНАХАНУМ. Тетя Таджмахал, это тебя. Только трубку оставь.

ТАДЖМАХАЛ. Давай-ка, доченька, духи твои. *(Берет флакон у Анаханум.)* Чье производство?

АНАХАНУМ. Рижское.

ТАДЖМАХАЛ. Тоже мне фирма, провалилась она в преисподнюю!

Таджмахал душится, проходит к больному.

ИБРАГИМ. Очень естественная, к тому же, искренняя старуха, эта Таджмахал. И как соседка полезная, отзывчивая, не так ли, Адиля-ханум.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Да. Особенно хороша тем, что болтает, валяет дурака, отвлекает нас от дурных мыслей. Вот почему он любит ее.

ТАДЖМАХАЛ *(Высовывается из-за двери.)* Анаханум, принеси новую ампулу. Хочет, чтобы при мне укол сделали! Куда будешь делать?

АНАХАНУМ. Уймись, женщина! Иду.

ТАДЖМАХАЛ. Поняла! Жаль, очки оставила дома.

Анаханум берет шприц, входит к больному.

ИБРАГИМ. Видишь, какой он, наш герой, Адиля-ханум, не теряет присутствия духа, все шутит. Другой бы на его месте давно уже подался унынию. А он живет духом борьбы, здоровым оптимизмом... Старая гвардия, наше поколение...

¹ Азраил – ангел смерти.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Действительно, ваше поколение оказалось очень крепким.

Звонок в дверь. Адиля-ханум уходит, входят Амир, Мармар, Бахадур, опустившийся старик. В руках у старика контрабас.

ИБРАГИМ. А, Сабзали, рад видеть тебя! Узнал меня, дорогой?

САБЗАЛИ. А что, ты тоже лабух, чувак?

ИБРАГИМ. Что? Что он говорит?

Амир что-то шепчет на ухо Сабзали.

САБЗАЛИ. А, вспомнил! Вы часто посещали наш ресторан. Однажды были со Стеллой, по кличке Австриячка! Помните? Крупный базлан тогда случился.

ИБРАГИМ. Старик, ты меня путаешь с кем-то. Какая Стелла? У нас в этом смысле строго.

САБЗАЛИ (*Амиру*). Врет, падла буду. Он шуровал с Австриячкой!

ИБРАГИМ. Что ты говоришь, Сабзали?

САБЗАЛИ. Хочу инструмент настроить.

АМИР. Я рад видеть вас, Ибрагим-муаллим.

ИБРАГИМ. Здравствуй, Амир, сынок, спасибо, что выручил. Я его сразу узнал. Но он меня с кем-то путает, с годами память, видать, отшибла.

АМИР. Свихнешься, если всю жизнь брэнчать на такой штуке.

ИБРАГИМ. Мармар, доченька, как ты?

МАРМАР. Спасибо, дядя Ибрагим, все хорошо.

ИБРАГИМ. У тебя, кажется, две дочери, не так ли? Одну звать Наила, другую Сайара. Я не ошибаюсь, доченька?

МАРМАР. Нет, можно только позавидовать вашей памяти. Мы гордимся вами, дядя Ибрагим.

АМИР. Поверьте, дома у нас только и разговоров о нем и о вас.

ИБРАГИМ. Да, нас нельзя разлучить. Мы были идейными друзьями, сражались по одну сторону баррикад.

САБЗАЛИ. Здесь будем лабать? Отсюда, австрияк?

ИБРАГИМ. Товарищ Сабзали, поверь, что я даже не был в Австрийской республике!

АДИЛЯ-ХАНУМ. Потерпи, Сабзали, малость, у него там люди.

САБЗАЛИ. Домой меня отвезут на машине?

БАХАДУР. Отвезу, отвезу, думай о деле, сыграй хорошо. Возвышенно!

САБЗАЛИ. А кир будет?

БАХАДУР. Водка? Будет, будет.

Таджмахал и Анаханум выходят из комнаты больного.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Анаханум, скажи ему, что контрабасист пришел...

ИБРАГИМ. Подождите, прошу вас, это я начал и я должен довести до конца! Сам должен сообщить герою о приходе Сабзали, сам и присутствовать должен при исполнении Баяты-Шираза. Весь смысл в этом.

Ибрагим проходит к больному.

МАРМАР. Дай Бог здоровья ему, очень душевный человек.

ТАДЖМАХАЛ. Ай, Мармар, какое же прекрасное на тебе платье! Что за ткань такая белая?

МАРМАР. Не твоего ума дело, отойди, дышать нечем.

ТАДЖМАХАЛ. Прекрасная ткань для савана.

Адиля-ханум беседует с Амиром.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Не повредит ему?

АМИР. Что ты? Даже детям делают.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Таджмахал, подожди минутку.

ТАДЖМАХАЛ. Пожалуйста. Что надо?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Послушай, ты недавно покупала для внука...

ТАДЖМАХАЛ. Что покупала?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ну, что... Подойди ближе... *(Шепчет на ухо.)*

ТАДЖМАХАЛ. Клизму? Что стыдного в клизме? Всем может пригодиться.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Не болтай! Принеси лучше, может понадобится.

ТАДЖМАХАЛ. Не смогу принести, дорогая.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Почему?

ТАДЖМАХАЛ. Новенькая, еще не употребила!

АМИР. И не стыдно тебе, всенародная бабушка!

Ибрагим входит.

ИБРАГИМ. Адиля-ханум. Пожалуйста, попрошу вас две рюмочки коньяка и лимон. Хотим молодость вспомнить.

САБЗАЛИ. Ханумик, не две, а три рюмашечки, пожалуйста.

Адиля-ханум уходит.

АМИР. Маэстро, а коньяк не повредит?

САБЗАЛИ. Наоборот! А ты знаешь, чувачок, вспомнил. Как только этот австрияк заказал два коньяка.

АМИР. Что вспомнил?

САБЗАЛИ. История с Баяты-Шираз. Еще та история. Они заказали, я был вынужден сыграть. Слабал, Бабки были нужны позарез. Для семьи. Я и сыграл. Потом был страшно расстроен, домой шел, как оплеванный и плакал. А потом уже сам играл, старик. Для бабок и для кайфа.

ТАДЖМАХАЛ. Боже, этот, который на своей штуковине сыграл наш дедовский мугам, — на каком он языке говорит?

МАРМАР. У музыкантов свой язык...

Адиля-ханум приносит коньяк, однурюмку дает Сабзали, проходит в комнату больного. Входит доктор Иманов. Устало опускается в кресло возле двери.

САБЗАЛИ. Счастья этому дому! *(Пьет.)*

АМИР. Бахадур, не теряй время, пока он сыграет, ты слетай туда, принеси ту вещь. Это такая коробка с красной полоской поперек.

БАХАДУР. А нельзя позже? Послушать бы...

АМИР. Нельзя, контора закроется. Заплатишь ему — до утра будет для тебя играть.

БАХАДУР. Значит, туда, где были на днях?

АМИР. Ну, и тупой же ты! Напротив милиции!

БАХАДУР. Понял.

Бахадур уходит.

АМИР. Доктор, что ты такой грустный?

ИМАНОВ. Да так, дочь хворает.

МАРМАР. Скорого выздоровления ей.

ТАДЖМАХАЛ. Дочь больна, так убирайся к себе, чего торчишь здесь?

Адия-ханум выходит из комнаты больного, дверь оставляет открытой.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Тихо! Просили начинать. Таджмахал, оставь свои шутки. Всем сидеть тихо. А ты, Сабзали, подойди сюда.

ИБРАГИМ (*Его голос.*) Товарищ Сабзали, чуть правее. Еще немного!

САБЗАЛИ. Так?

ИБРАГИМ (*Его голос.*) Хорошо. Только пока не начинай, дай нам выпить. (*Пауза.*) Можешь начинать!

САБЗАЛИ. Дорогие друзья! А сейчас по просьбе наших дорогих, уважаемых гостей, наших давнишних клиентов, прозвучит древний азербайджанский мугам «Баяты-Шираз»! Эта музыка не предназначена для танцев. Это – к сведению молодежи. Спасибо за внимание.

Сабзали играет на контрабасе Баяты-Шираз. Анаханум тихо подходит к доктору Иманову.

ИМАНОВ. Что доченька, как он?

АНАХАНУМ. Да по-старому. У вас усталый вид.

ИМАНОВ. С дочкой что-то не то. Мне не нравятся ее легкие. Не забудь, на ночь увеличь пирамидон на полкубика.

АНАХАНУМ. Хорошо, доктор...

ИМАНОВ. Давай послушаем, развеемся хоть немного. Ну устроили комедию!

АНАХАНУМ. Тсс... Говорите тише.

ИМАНОВ. Тогда подойди сюда, поговорим. Ну, выкладывай, доченька.

АНАХАНУМ. Раньше вы меня не называли «доченька».

ИМАНОВ. Видимо, потому, что все время думаю о дочери. Ну так что?

АНАХАНУМ. Доктор, ради Бога, объясните им, уговорите, пусть не медлят, делают парню операцию. Если не доверяют нашим, пусть везут в Москву. Жалко его, такой молодой, чистый парень Адил. Плакать хочется, глядя на него. Все ведь в их руках, доктор.

ИМАНОВ. Но при чем тут операция?

АНАХАНУМ. Как при чем?

ИМАНОВ. Не будь наивной, это дело безнадежное.

АНАХАНУМ. Не может быть... А профессора...

ИМАНОВ. Как говорится, медицина тут бессильна.

АНАХАНУМ. Значит, он останется слепым на всю жизнь?

ИМАНОВ. Не совсем так...

АНАХАНУМ. А как?

ИМАНОВ. Доченька, пока не умрет отец, сыну не видать белого света... Иди, иди, дитя, зарабатывай хлеб свой насущный.

Анаханум отходит. Музыка затихает. Все аплодируют.

ГОЛОСА. Bravo! Молодец!

АМИР. Ну, Сабзали, никогда бы не подумал, что можно на контрабасе сыграть мугам.

ТАДЖМАХАЛ. Взять бы эту штуку его и обрушить ему на голову!

САБЗАЛИ. Что, Амир-муаллим, может повторить? За половиночку!

АМИР. Пока не надо.

САБЗАЛИ. Ханум, а где ваш коньяк?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Сейчас подам. *(Уходит.)*

ТАДЖМАХАЛ. Мармар, подойди, понюхать хочется.

МАРМАР. Отстань! Анаханум, можно тебя?

АНАХАНУМ. Что, Мармар?

МАРМАР. Расскажи, как дела?

АНАХАНУМ. Спасибо, очень хорошо.

МАРМАР. Шубу примерила?

АНАХАНУМ. Да, не беспокойся.

МАРМАР. Поздравляю. Дай тебя поцелую.

АНАХАНУМ. Мармар...

МАРМАР. Что?

АҶАХАНУМ. К этой... шубе... говорят, шапка полагается.

МАРМАР. Образуется, Анаханум, ты не отвлекайся.

ТАДЖМАХАЛ. Ну, подойди, Мармар, мне скучно...

МАРМАР. Только без этих штучек, поняла?! Саван давно вышел из моды.

ТАДЖМАХАЛ. Ну и черт с ним, похоро- ним тебя в красном купальнике!

Прибегает Бахадур. Бросает на стол коробку.

БАХАДУР. Амир-муаллим, срочное дело! Неприятности.

АМИР. Что случилось? На тебе лица нет.

БАХАДУР. Арестовали его, того парня. В отделении он сейчас.

АМИР. Кого? Но ты же мне принес коробку! Кого же арестовали?

БАХАДУР. Нет, не того, кто это дал, а того, кто хлеб привозил сюда. Только сельского паренька.

АМИР. Нифтали? За что? Как ты узнал об этом?

БАХАДУР. Сам видел, своими глазами! Взял, значит, я коробку. А тут, прямо напротив останавливается милицейская машина. Гляжу, вытаскивают этого Нифтали и в отделение. Умереть мне!

Адия-ханум приносит коньяк.

АМИР. А ты не ошибся? Может, просто похож на него?

БАХАДУР. Нет, нет! Я зашел туда и спросил?

САБЗАЛИ. Счастья этому дому! Мир всем! *(Поет.)*

АМИР. Что же он наделал?

БАХАДУР. Пришел пьяный во двор к человеку, который сейчас занимает место нашего. Начал орать, ругаться, требовать, чтобы тот вышел. Конечно же, тот не вышел, кто выйдет?

АМИР. Дальше?

БАХАДУР. Дальше начал рыскать по двору, набрал камней, кирпича и давай крушить служебную «Волгу», новенький «ГАЗ-24» превратил в металлолом.

АМИР. Не может быть!

БАХАДУР. Клянусь здоровьем, что не вру.

АМИР. Вот молодчина! Настоящий мужчина. За мной – хорошее угощение для него!

АДИЛЯ-ХАНУМ. Что случилось, Амир, кого опять собираешься угощать?

МАРМАР. Я устала обслуживать его гостей.

АМИР. Нифтали, Нифтали будет моим дорогим гостем! Вот настоящий мужчина, вот это храбрец!

Ибрагим выходит от больного, внимательно прислушивается к разговору.

АДИЛЯ-ХАНУМ. А что он сделал, Амир?

АМИР. Пошел к тому образине, что сидит в его кресле, решил побить, но тот юркнул в нору. Как мышь. Не вышел. Тогда наш Нифтали отделил машину этого нечестивца, да еще как! Обрушил на нее все, что попало под руки! Так ведь было?

БАХАДУР. Хуже!

АДИЛЯ-ХАНУМ. Но ведь это хулиганство! Выпил он изрядно. Выпи. И все просил назвать врагов его дяди. Вот это да! А где же он сейчас, бедняжка?

АМИР. В милиции.

МАРМАР. Ай, ай, ай! Что теперь будет?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Выходит. Парня по всем статьям задержали? Что же делать, Амир?

АМИР. Только этого не хватало! Амир еще не умер! У меня там хорошие друзья. Позвоню сейчас, а если понадобится, сам схожу, но Нифтали освобожу. Бахадур, дай-ка мне телефон.

Бахадур идет за телефоном.

ИБРАГИМ. Оставь! Не трогай телефон. Сабзали, ты пройди к нашему герою, он хочет поболтать с тобой. Иди, пожалуйста.

САБЗАЛИ. У нас лажа вышла, чувак?

ИБРАГИМ. Вон отсюда, Сабзали! Ведь сказано тебе!

Сабзали проходит к больному.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ибрагим-муаллим...

ИБРАГИМ. Бахадур, сынок, отойди от телефона.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Ибрагим-муаллим, Нифтали арестовали. Он сейчас в отделении милиции. ИБРАГИМ. Ну и что?

АМИР. Как что? Он ведь родственник наш. Не можем же мы его там оставить. Да и что особенного случилось? Ну понесло его к этой образине...

ИБРАГИМ. Понесло? Сам бы он не пошел туда! Ясно?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Как так? Я не понимаю вас.

ИБРАГИМ. Почему? Разве я не ясно выражаюсь? Ну что ж, повторю, Нифтали сам бы туда не пошел. Это мы послали его, мы натравили на того человека! Да, мы! Напоили, как следует, затем сказали ему, так-то мол и так-то, дорогой наш родственник, этот тот человек виноват, что твой дорогой дядя прикован к постели, это он устроил все, чтобы самому занять его место. Он же виноват и в том, что у двоюродного брата твоего Адила ослепли глаза. Иди, сказали мы ему, иди, Нифтали, если ты настоящий мужчина, если есть в тебе хоть капля азербайджанской крови, иди и отомсти ему за все! Убей его, подожги его дом, покалечь его машину!

АДИЛЯ-ХАНУМ. Но это же неправда!

ИБРАГИМ. Да, но так получается. Только так будут толковать происшедшее! Именно так, как я вам рассказал. И лично я не представляю, что можно сделать, как защититься?

БАХАДУР. Но ведь влепят ему, как минимум, пять лет... Жалко парня!

МАРМАР. Четверо детей у него.

ИБРАГИМ. Мармар, доченька, наше государство вело, ведет и будет вести беспощадную

борьбу с чуждыми нашему обществу элементами, с негативными явлениями, разными убийцами, ворами, взяточниками, изменниками родины. Рано или поздно, все они должны быть ликвидированы. Таково веление истории, веление времени. Хулиганство – тоже преступление.

АМИР. Хотите сказать...

ИБРАГИМ. Конечно! А как же? Какой он ваш родственник? Разве может родственник так поступать? Своим недостойным поведением Нифтали сам перечеркнул свое родство с вами. Сам, подчеркиваю, сам! Не вы! Вот почему вам и беспокоиться незачем, выкиньте его из головы!

АМИР. А вдруг Нифтали скажет в милиции, что был здесь, что выпил у нас, что он родственник наш...

АДИЛЯ-ХАНУМ. Как хорошо, что он забыл его записки к профессорам.

АМИР. А вдруг сам скажет...

ИБРАГИМ. В таком случае Адиля-ханум ответит товарищам из милиции, что, да, действительно к нам заходил нетрезвый человек, назвавшийся нашим родственником. Мы прогнали его и он ушел. Только, Адиля-ханум, ваши тревоги напрасны. Нифтали ничего такого не скажет. Я знаю таких людей, как Нифтали. Можете не волноваться.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Но каково будет ему, бедняге, что же ему делать?

ИБРАГИМ. Сидеть, ждать.

АМИР. Чего, кого ждать?

ИБРАГИМ. Тебя, меня, сынок. Будет ждать, когда мы придем и выручим его.

АМИР. Сколько же дней ему ждать?

ИБРАГИМ. Бахадур же сказал, минимум пять лет.

ТАДЖМАХАЛ. И этот погорел, несчастный! Слава Богу, что не так, как Мамедага!

ИМАНОВ. А Фриг в больнице... Схожу я завтра к нему.

ТАДЖМАХАЛ. О мир коварства, мир вероломства!

МАРМАР. Ах ты, ведьма!

ТАДЖМАХАЛ. На шутиху даже в театре не кричат!

ИБРАГИМ. Анаханум, доченька, будь любезна, подай дяде Ибрагиму чаю. Я так переволновался, что в горле пересохло. Только, пожалуйста, предварительно как следует вымой руки, поскольку ты имеешь дело с медикаментами, шприцем.

Колокольчик звенит. Все удивлены.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Услышал Господь, мои молитвы услышал! Он просит зеленое ведро! Таджмахал, твоя проклятая бумажка не понадобилась! Анаханум! Нет, лучше я сама!

АМИР. Не дам! Я, я должен!

МАРМАР. Какой же сегодня счастливый день!

Амир хватает зеленое ведро, бежит к больному. Анаханум приносит чай.

ИБРАГИМ. Благодарю, доченька. А чего руки такие красные? Неужели от холодной воды?

ТАДЖМАХАЛ. Мочалкой терла, наверно.

ИМАНОВ. А где Адил? Что-то не вижу его.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Спит, наверно, Анаханум, он спит?

АНАХАНУМ. Не знаю. Я не заходила к нему.
ТАДЖМАХАЛ. Шуба-то наверняка заходила.
МАРМАР. Да отсохнет твой язык! Уж замолчи!

Амир выходит от больного.

АМИР (ТОРЖЕСТВЕННО.) Свершилось!

Все аплодируют.

АДИЛЯ-ХАНУМ. Слава Богу!

АМИР. Он просил всех зайти к нему.

ТАДЖМАХАЛ. Завещание хочет огласить?

АДИЛЯ-ХАНУМ. Чтобы отсох твой язык!

ИБРАГИМ. Наш герой что-то придумал.

Так просто он не станет собирать у себя столько людей.

АМИР. Прош прощения, пока я прилаживал ведро, он вспомнил забавный случай, причючивший с ним в Болгарии. Обэтом хочет рассказать.

ВСЕ. Идем, идем...

Проходят в комнату больного. Через некоторое время входит Адил. На нем женская шуба, на ногах английские ботинки.

Войдя, садится на стул возле двери.

АДИЛ. Добрый вечер... мама... Как, здесь никого нет? а... Наверное, все у папы. Все? Нет, нет, не дай Бог. Мне бы сказали... Так, в чем же дело? *(Встает, ходит по комнате.)* Что там происходит? Наверно, он что-то рассказывает. Что-то смешное... Но скоро время сна... Вот-вот подойдет соловей. Хоть бы увидеть, какой он! Любопытный, видать, человек... Придет и снова начнет: «Прошу, не мешайте мне!.. «Прошу, не торопите меня!»... «Прошу погасить

верхний свет!»... Пожалуйста, маэстро, одну минуту! *(Ищет выключатель на стене).* Сейчас включим свет для соловьиной трели вашей, для журчания ручейка. Готово!

Гаснет верхний свет и одновременно освещаются стекла очков на глазах марала.

Выключил или не выключил я свет? Как знать тебе, Адил, что горит, что потухло в этом доме, в этом мире... зачем, для кого... Эх, лучше пойду-ка и я туда, послушаю, о чем это говорит папа... *(Идет, останавливается перед дверью. Трогает палкой портрет.)* Вы здесь, ваше сиятельство? *(Трогает палкой голову марала.)* Здесь, товарищ чучело? Как поживаешь, брат, как дела, земляк? Ой, ой, ой... Откуда это несет холодом? От кого? Почему? *(Прислонил палку к стене, шарит рукой по двери, ища ручку. Не находит, толкает дверь. Двери распахиваются настежь. Там идет снег. Хлопьями. Слышны смех, радостные, игривые возгласы. Адил протягивает руку к снегу, затем проводит ладонью по лицу.)* Вот и снег... Был он, оказывается, шел. Сколько лет я говорю, что идет снег, мне отвечают, нет, как это может идти снег летом? Кому же теперь мне верить? Что мне теперь делать? Куда мне теперь пойти?

Адил замирает в дверях, на фоне снегопада.

Смех и радостные возгласы усиливаются.

Занавес.

Конец.

1986 г.

199

Содержание

Вместо предисловия.....	3
Стихи.....	5
Поэма <i>Рояль</i>	97
Пьеса <i>Игра в снежки летом</i>	102

Стихи перевели

с азербайджанского языка *В.Рзаев,*
Л.Латынин, В.Портнов, С.Мамедзаде,
М.Векилов, И.Дадашидзе.

Пьеса в переводе *Г.Фролова*

Подписано в печать: 11.10. 06.

Формат: 61x90 1/16 Усл.п.л. 12,5.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Заказ: 32. Тираж: 250.

200 стр.

Союз Писателей Азербайджана

“ЮРД” Издательско-Полиграфическое

Объединение

Баку, ул. Хагани 25

Тел: 598-27-13

Векилов Вагиф Самедоглу поэт,
драматург, пианист.

Родился 5 июня 1939 года. По образованию музыкант. Пришел в литературу в начале 60-х годов. В 1968 и 1972 г. вышли его два маленьких сборника стихов «Телеграмма с дороги» и «Судьба дня». В 1990 году в Москве был издан сборник стихов «Ночи Сфинкса». В 1996 году вышла книга «Боже, я здесь...», в 1999 году книга «Далекий зеленый остров». В 2002 году в Тбилиси вышла книга «Я твой сын - Свобода», в 2005 году в Турции вышел сборник стихов.

В. Самедоглу является автором свыше десятка пьес, некоторые из которых были включены в книгу «Обручальное кольцо» (1999 г.)

Он является депутатом Азербайджанского Парламента двух созывов.